

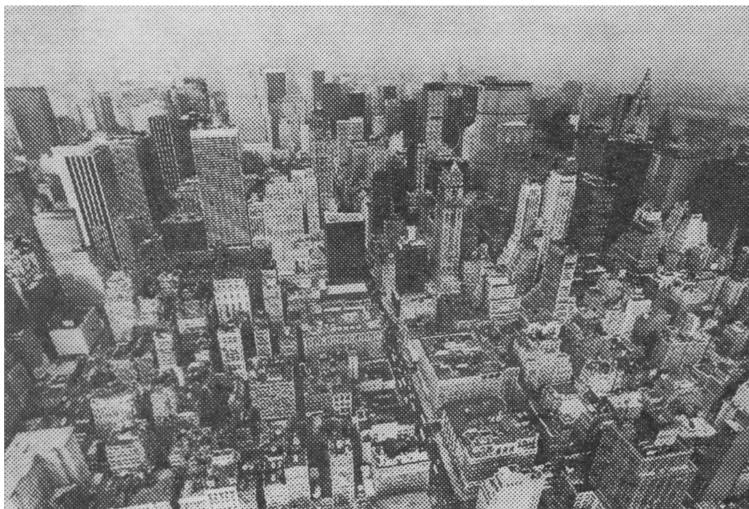
Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 52 1985

«ПОСМОТРИМ ПРАВДЕ В ГЛАЗА...»

ПИСЬМА ДЖОНА СТЕЙНБЕКА

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«ПОСМОТРИМ ПРАВДЕ В ГЛАЗА...»

Письма Джона Стейнбека

*Перевод с английского и комментарии
Виктора ПОГОСТИНА*

Джон СТЕЙНБЕК

Джон Стейнбек (1902—1968) — видный представитель литературы США XX века, лауреат Нобелевской премии 1962 года.

Родился в семье мелкого служащего в городке Салинас, штат Калифорния. Юношей сменил целый ряд профессий. Учился на биологическом факультете Станфордского университета, в газете которого были опубликованы его первые рассказы. В литературу пришел в 30-е годы. Первым крупным произведением Стейнбека был роман о знаменитом корсаре Генри Моргане «Чаша господня» (1929). Успех писателю принес роман «Квартал Гортильы Флэт» (1935). К середине 30-х годов стали появляться произведения с остросоциальной проблематикой — роман «В схватке с сомнительным исходом» (1936) и повесть «О мышах и людях» (1937). Вершиной творчества Стейнбека явился роман «Гроздь гнева» (1939), повествующий о судьбе согнанных с земли фермеров, чья борьба за социальную справедливость является естественным продолжением революционных традиций всего американского народа. В годы второй мировой войны Стейнбек одним из первых американских писателей посвятил свои произведения теме борьбы с фашизмом («Бомбы вниз», «Луна зашла», 1942). Затем последовала целая серия менее значительных в социальном отношении произведений — романы «Консервный ряд» (1945), «Заблудившийся автобус» (1947), «Жемчужина» (1948), «К Востоку от рая» (1952).

Новый творческий подъём испытал Стейнбек в начале 60-х годов, когда вышли в свет такие значительные произведения, как роман «Зима тревоги нашей» (1961) и книга очерков «Путешествие с Чарли в поисках Америки» (1962). Все наиболее значительные произведения Стейнбека переведены на русский язык.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Избранные письма Джона Стейнбека представляют собой второй сборник эпистолярного наследия крупнейших мастеров зарубежной прозы, с которым «Библиотека «Огонек» знакомит своих читателей. В 1983 году читатели «Библиотеки» имели возможность познакомиться с избранными письмами Эрнеста Хемингуэя («...Оставаться самим собой...», № 3, 1983 г.). Сопоставление сборников не случайно, так как в их основу легли одни и те же принципы.

Однажды, говоря о своих письмах, Джон Стейнбек заметил, что для него они своеобразная форма общения: «...я пишу вместо того, чтобы звонить, потому что мне никогда не удавалось выразить себя по телефону». Возможно, этим обстоятельством мы и обязаны появлению объемистого сборника писем «Жизнь в письмах», выпущенного в середине 70-х годов американским издательством «Вайкинг пресс». В наш сборник вошла лишь небольшая часть этих писем. За рамками предлагаемого читателям «Библиотеки «Огонек» осталась деловая переписка с издателями, сугубо личные, порой интимные по характеру письма, а также письма, перегруженные малоинтересными для широкого круга читателей деталями и именами, которые могут интересовать лишь специалистов-литературоведов.

Критериями отбора писем для нашего сборника служил прежде всего интерес, который представляют некоторые из них как самостоятельные художественные произведения; публицистическое звучание многих писем, и, наконец, в сборник включены письма, помогающие не только лучше представить личность самого писателя, но и осмыслить его творчество, его понимание процессов, лежащих в основе писательского труда, проникнуть в его творческую лабораторию.

В предлагаемую подборку включено всего 47 писем, но даже они, расположенные в хронологической последовательности, позволяют читателю в известной степени проследить процесс становления Стейнбека как человека и как писателя. По возможности письма публикуются без сокращений. Однако в ряде случаев опущены абза-

цы, в которых Стейнбек повторяется или пишет о вещах, непонятных читателю и потому лишь затрудняющих восприятие. Надо сказать, что к подобным же сокращениям прибегали и составители вышедшего в США сборника писем Стейнбека, вдова писателя Элейн Стейнбек и исследователь его творчества Роберт Уоллстен. Да и сам Стейнбек был исключительно требовательным редактором по отношению к публикуемым материалам. Кроме того, по его собственному признанию, он часто не умел остановить перо. Особенно это касалось писем людям, которых он хорошо знал. Понимая это, Стейнбек как-то написал одному из своих друзей, намеревавшемуся передать библиотеке свою коллекцию писем писателя: «Если ты просмотришь письма и вычеркнешь места, которые могли бы задеть кого-то из ныне живущих, то это было бы хорошо».

Как отмечал известный советский литературовед Я. Засурский, «...Стейнбек остался в истории американской литературы писателем-реалистом, который стремился развеять туман безнравственности и в смутное для Америки время отстаивал в своем творчестве гуманистические ценности». Добавим только, что советский читатель знает, что Стейнбек-человек мог ошибаться и, в частности, в оценке «грязной войны» во Вьетнаме, но Стейнбек-писатель в пору расцвета своего таланта был прозорлив и честен в изображении судеб своей страны и своего народа. Об этом говорят и публикуемые письма.

Виктор ПОГОСТИН,
кандидат филологических наук

*Эмесе Миллеру*¹
Игл Рок

6 августа 1930 г.

Дорогой Тед,

Вчера получил от «Фаррер» («Фаррер энд Райнхарт» — амер. издательство. — В. П.) отказ принять мою рукопись (роман «Неведомому богу», — В. П.). Письмо написано вежливо, но без лишних слов. Они не особенно церемонились с отказом, и мне это даже нравится. Но теперь, когда отказ получен, я не знаю, что делать дальше. Я ничегошеньки не смыслю в книжном рынке.

Тебе-то еще не надоело нести этот крест? Отказы не вселяют особого оптимизма? Похоже, никому мои работы не нужны. Мне все нипочем, а вот тебе, должно быть, надоело возиться с неудачником. Напиши, что ты обо всем этом думаешь.

Дом, где мы живем, продан без нашего ведома, и мы возвращаемся в Пасифик Гроув. По разным соображениям мы рады уехать с юга, хотя дом нам очень нравился. Здесь довольно жарко, и мозги мои размякли еще больше обычного.

Любящий тебя, Джон

Эмесе Миллеру
Пасифик Гроув

Декабрь 1930 г.

Дорогой Тед,

По-моему, прилагаемая в этом конверте рукопись («Убийство в полнолуние») говорит сама за себя. Вот уже некоторое время, как

я несчастлив. Дело в том, что я задолжал и от этого ощущаю себя прескверно.

Совершенно ясно, что все, что я пишу, никто не покупает. Вот почему, чтобы заработать, я должен написать то, что им хочется читать. Иными словами, я вынужден на какое-то время ради сохранения собственного доброго имени пожертвовать добрым именем художника. Помни об этом, когда тебе станет тошно от посылаемой рукописи. И помни также, что меня от нее тошнит еще больше.

Конрад сказал однажды, что продаются только самые хорошие и самые плохие работы. Последние мои потуги убедили меня, что на самые хорошие произведения я пока не способен. Не сомневаюсь, в будущем я осилю и хорошие, а пока остается проверить, смогу ли я писать плохие.

Несколько слов о прилагаемой рукописи. Я написал ее одним махом за девять дней. В рукописи около шестидесяти двух или трех тысяч слов. На перепечатку ушло две недели. Я впихнул сюда все, что знаю о ракете, и, пытаюсь хоть немного спасти дело, старался писать в духе пародии. Ни один человек, кроме моих стариков и жены, не знает, что автор я, и никто другой, кроме тебя, не узнает. Почему бы не прибегнуть к испытанному и уважаемому приему — псевдониму? И я выбрал псевдоним — Питер Пим.

Роман получился не хуже других и солидно приправлен всем необходимым для детектива. Пародийные штрихи нужны были прежде всего для того, чтобы меня не вывернуло, когда я сяду за машинку. Возможно, они удались.

Не принимай все близко к сердцу. Роман отнял у меня только девять дней и никак на мне не отразился. На душе скверно, но лучше все равно не станет, пока не верну долг. Долг невелик, но не дает мне покоя.

Кэрл с приятельницей — обе жутко опытные — собираются открыть рекламное агентство. Перебирайся на запад и будешь у них юристом. Если на рождество ты не получишь от меня ни открытки, ни подарка, знай — я разорен. Учти, я предупредил тебя заранее. Надеюсь, у тебя-то будет отличное, хмельное рождество.

С любовью, Джон

*Джорджу Олби*²
Пасифик Гроув

1931 г.

Дорогой Джордж,

Сегодня один из тех дней, когда одна вещь уже закончена, а другая еще недостаточно выношена³. Впрочем, завтра она уже созреет. Короче — прекрасный день для писем.

Новеллы доставляют мне большую радость. Должно быть, потому что я их еще не закончил.

Я уже привык, что ты беспокоишься о моем материальном положении. Все мои хорошие знакомые опасались, что я рано или поздно умру с голоду. Возможно, так оно и будет. Но не так уж это важно, чтобы не думать ни о чем другом. Я уже голодал, и это не так страшно, как кажется. Самое большее мне приходилось голодать четыре с половиной дня. Должно быть, потом начинаются боли. Лично я считаю, что при голодании боль самое неприятное.

Ты излишне оптимистичен по поводу моего наследства. Я ничего не получу. Хорошо, если достанется хотя бы дом. Нет, деньги не про нас. Иные получают премии «Фелана»⁴. Очевидно, потому что им этого очень хочется. Некогда и у меня был шанс жениться на деньгах, но я даже этого не сделал. С деньгами мне решительно не везет. Закон средних значений ко мне не применим. Всякие попытки выхлопотать для меня какую бы то ни было премию обречены на провал. Более того, я искренне сомневаюсь, что мои произведения смогут меня когда-либо прокормить. Все же я достаточно легкомыслен, чтобы не думать об этом. И если в конце концов мне придется рыть канавы, то по крайней мере я буду уверен, что не упустил свой шанс...

День сегодня пасмурный, с короткими вспышками поднимающего пыль дождя. Прекрасный день для того, чтобы заглянуть в себя. Только ничего особенного я там не увижу. Вот что получается, когда пишешь беспристрастно. Ничего не остается для самоанализа. Когда моим героям грустно или, напротив, они счастливы, то то же состояние переживаю и я. Собственных, отличительных для меня самого эмоций у меня нет. Когда я ничего не пишу, я чувствую себя совершенно опустошенным. По-моему, мне бывает по-настоящему скверно только в такие моменты.

Со следующей недели Кэрол начнет работать. (Ее рекламное агентство уже закрылось.) Она этого ждет не дожидается. Сидеть со мной в четырех стенах ей нелегко. Я слишком нетерпим к посторонним движениям и шуму в доме. А дом так мал.

Сам видишь, какие скучные письма получают у меня. А все потому, что не могу говорить ни о чем, кроме своей работы. Мономания!

Должно быть, тебе мое письмо покажется жалостливым, но это не так. Я совершенно не ощущаю себя страдальцем.

Джон

*Карлтону А. Шеффилду*⁵
Пасифик Гроув

1932 г.

Дуку — (отрывки из дневника)⁶

Когда я купил эту тетрадь и начал заполнять ее словами, мне вдруг показалось, что, заполненная, она тебе когда-нибудь пригодится. Ты обладаешь природным чутьем, свойственным собирателям всякой всячины, старателям и коллекционерам. Поэтому я хочу, чтобы книга попала к тебе, и причины у меня на то весьма сентиментальные, а посему, конечно, не могу их назвать. Я очень люблю тебя. Но так и не сумел сделать тебе подарок, который стоил бы денег.

И вот мне показалось, что, возможно, ты примешь подарок, который стоил мне огромного труда. Ведь пишется мне очень нелегко. На три часа работы за письменным столом приходится двадцать часов подготовки. К счастью, я научился видеть сны о работе и так экономить рабочее время.

И вот снова унижение и страх. Страх, что мое перо не выразит все, что рождается в моем мозгу. Как мне понятны молитвы, с которыми предки зывали к музе. И муза являлась и стояла рядышком. А мы, да поможет нам бог, не верим в муз. Нам не на что полагаться, кроме как на собственное мастерство, кое, как свидетельствует современная литература, оставляет желать лучшего.

Дай мне оставаться честным. Дай мне оставаться чистым. Да минуют меня штампы ремесленников. Если не обойтись без колдовских чар, пусть это будут только мои чары. Да достанет мне сил быть сильным и в то же время великодушным, нежным и мудрым, мудрым и терпеливым. Дай мне хотя бы ненадолго, очень ненадолго увидеть мир всевидящими глазами бога.

Интересно, догадываешься ли ты, почему я адресую эту рукопись⁷ именно тебе? Ты единственный человек во всем мире, кто верит, что я справлюсь с задачей, которую поставил перед собой. Даже я сам порой сомневаюсь в этом. Так что из чувства благодарности я адресую все свои работы тебе, независимо от того, знаешь ли ты об этом или нет...⁸

*Джорджу Олби
Салинас*

1933 г.

Дорогой Джордж!

Получил письмо, отправленное тобой сегодня утром. Мэри (сестра Стейнбека.— В. П.) только что уехала. С нею было хорошо, но она привезла с собой детей, а это отвлекало ее от помощи нам, и детский гомон был не к месту в этом доме скорби и печали. Дети действовали нам на нервы. Я люблю их. Они отличные ребята. Но сейчас здесь не место для детей. Мы ухаживаем за умирающей и стараемся, чтобы ее ничто не беспокоило.

Теперь я могу ответить на все твои вопросы. Правда, это трудная задача. Однако попытаюсь, потому что тебе нужно помочь. Открытие пришло ко мне подобно тому, как приходят все великие открытия. Сначала бывают небольшие открытия, каждое сделанное одним из многих людей, и наконец кому-то одному удается проследить взаимосвязь между малыми открытиями и дать название явлению в целом.

Известно, что при определенном расположении атомов мы получаем, скажем, кусок железа. Иное расположение атомов в сочетании с неким таинственным элементом дает живую клетку. Клетка же очень чувствительна к высшим стимулам или тропизмам. Дальнейшая перегруппировка, и притом сложнейшая, может привести к созданию единицы, именуемой человеком. Это конечное звено. Но есть еще что-то, что нельзя объяснить, если считать человека конечным звеном. Человек также группируется в более крупные единицы, которые я называю фалангами⁹. Фаланга обладает собственной памятью — она помнит стихийные бедствия, когда луна висела низко над землей, помнит периоды голода, когда истощались запасы пищи. Фаланга хранит в памяти методы самосохранения, когда множество составляющих ее единиц уничтожилось во благо целого. Фаланга хранит в памяти собственную историю. Фаланге свойственны эмоции, на которые один человек не способен. Эмоции разрушения, войны, миграции, ненависти, страха. Об этих вещах много говорилось.

Религия также порождение эмоций фаланги. Отцы церкви так хорошо понимали это, что утверждали, будто святой дух является только тогда, когда двое или трое людей собираются вместе. Ты, должно быть, слышал о коварстве толпы. Толпа — это всего лишь фаланга, но если ты попытаешься судить о характере толпы по характеру составляющих ее человекоединиц, то наверняка ошибешься, равно как если попытаешься понять человека, изучая одну из его клеток. Все это я знаю, скажешь ты. Конечно, знаешь. Но все великое должно быть изложено простым языком.

Во время войны (первой мировой — В. П.), пожалуй, существовала величайшая из фаланг в истории человечества. Если бы мы могли изучить эти единицы, можно было бы предсказывать возможные действия фаланг, их изменения и направления развития. Поведение одного человека не может логически объяснить неожиданного вторжения в Европу гуннов — безобидных пастухов, внезапно превратившихся в разрушительную силу — настоящую фалангу, а поколение спустя вновь ставших такими беззащитными и слабыми, что татары легко смяли их. Поведение одного человека не может объяснить неожиданную миграцию народа майя. Мы говорим: это сделал Аттила¹⁰ или Чингисхан, но сами по себе они ничего не могли. Они были всего лишь представителями фаланги. Гитлер не мог создать современную фалангу в Германии, он только выражает ее интересы.

Подсознательно в каждом человеке есть манипулятивный механизм. Юнг¹¹ называет его третьим «я». Именно благодаря этому механизму человек, став частью фаланги, утрачивает свою индивидуальность. Наиболее осознанно дух фаланги проявляется в художниках. Таким образом искусство является достоянием фаланги, а не индивида. Искусство отражает знания фаланги о природе, материи и жизни.

Доктор Фишер из университета Дж. Гопкинса сказал однажды, что любое современное научное открытие можно найти в поэзии предшествовавших поколений. Демокрит писал о теории строения атомов за четыре столетия до рождения Христа. Художник выражает философию фаланги. Когда человек слушает величайшие музыкальные произведения, созерцает великие полотна или читает поэзию, его индивидуальность растворяется в индивидуальности фаланги. Нет необходимости описывать вызываемые при этом чувства, но, несомненно, главное здесь — ощущение принадлежности к своей фаланге. Отторгнутый от фаланги, человек испытывает чувство одиночества. Он погибает. В фаланге он черпает необходимые ему жизненные силы. В горах я встречал людей, психологически совершенно разбитых одиночеством...

В письме всего не выскажешь, Джордж. Хочу написать целый роман, где эта мысль будет главной темой, так что где уж тут изложить все в одном письме... Я неоднократно писал об этом и не осознавал, о чем я пишу. Только в «Неведомом боге» я обнаружил по крайней мере четыре высказывания на эту тему. Старые фаланги распадаются, и гибель их очень напоминает смерть живого человеческого организма. Новые фаланги рождаются при соответствующих физических и духовных условиях. Они могут быть любых размеров. Когда ты окажешься нужен своей фаланге, она тебя использует, если, конечно, ты представляешь собой подходящий материал. Ты сам поймешь, когда наступит твое время, и уж тогда ничто не поможет тебе устраниваться...

Это, за незначительным исключением, очень серьезно. Как только удастся все осмыслить, исключения будут неважны. Конечно же, мне это очень интересно, как может быть интересна только необъятная, необыкновенная поэзия. Я не ученый и не глубокий исследователь. Но, размышляя над всем этим, я ощущаю необыкновенную эмоциональную грандиозность проблемы. Писать поэтические произведения так трудно, что я даже не помышляю об этом, пока высказанная идея целиком не впитается и не станет частью меня самого.

На этой неделе я прочел и отправил обратно корректуру романа «Неведомому богу». Читается хорошо. Издательство спешит, так что, возможно, книга выйдет уже осенью. Вот пока и все.

Энн и ты, примите мою любовь. Хотелось бы поговорить с тобой.

Джон

*Карлу Уилхелмсону*¹²
Салинас

9 августа 1933 г.

Дорогой Карл,

То, что мы потеряли друг друга, было очень странно. Надеюсь, это позади. Моя мать по-прежнему находится в состоянии медленного разложения. Думаю, однако, долго она не протянет.

Длительное время я не мог работать, но теперь научился быть безразличным и снова приступил к работе. Если вдуматься, все это очень жестоко. Ты куда более сложная натура, чем я. Я работаю, потому что работа доставляет мне удовольствие. Именно так. Все очень просто, и мне не нужно другой причины. В известной степени я теряю ощущение собственного «я», и это даже приятно. Года два назад я вдруг обнаружил, что сделан из иного теста, чем великие художники, и, представь себе, даже обрадовался. С тех пор я стал счастливее просто оттого, что работаю и в конце каждого дня получаю удовлетворение от работы. Конечно, при условии, что работал на совесть. Я становлюсь все менее и менее сложным, и мне хорошо. Силы, разрывавшие меня в разные стороны, слились в одну — мне надо писать книгу. Сначала я некоторое время думаю о книге, а потом сажусь и пишу. Ничего, кроме этого, не существует. Когда книга окончена, я теряю к ней почти всякий интерес. Ко времени ее опубликования я, как правило, уже живу другой книгой.

Последняя моя работа тебе вряд ли понравится («Райские пастбища», 1932 г.— В. II.). В ней я все дальше и дальше отступаю

от реализма¹³. Реалистичные произведения у меня не очень-то получались, да я и не особенно верю в реализм. По моему разумению, это всего лишь одна из форм вымысла. Буало¹⁴ был мудрее Менкена¹⁵. Измученные персонажи Фолкнера неинтересны мне, если у них не героические мучители. Возможно, это глупо, но таков уж я. В человеке есть куда более глубокие, темные и сильные течения, нежели либидо Фрейда. Толкование либидо у Юнга ближе к истине, но тоже неадекватно. Мне нравятся мои построения, но серьезными они представляются мне только в процессе их создания...

Твоя озабоченность о старости мгновенно прошла бы, если бы ты мог видеть все то, с чем я сталкиваюсь изо дня в день каждые полчаса, — настоящее загнивание — вот что такое старость. Практически мертвое человеческое тело, в котором еле теплится огонек жизни, то затухает, то теплится вновь. Наша жизнь здесь совершенно выбита из колеи, но это не страшно, коль скоро я могу найти убежище в работе.

Через месяц-другой у меня выйдет новая книга. На твоём месте я бы не стал ее читать. И без того склонный к метафизике, я все больше и больше скатываюсь в этом направлении...

С любовью
Джон

*Энн Ходден*¹⁶
Пасифик Гроув

1935 г.

Дорогая мисс Ходден,

Большое спасибо за предложенную помощь. Я объясню, в чем дело. Приближается время присуждения литературной премии имени Джеймса Фелана, и один из моих друзей прислал мне бланк заявления. Премия присуждается только уроженцам штата. Так вот, на бланке отведено специальное место под следующим требованием: «Назовите имена трех людей, компетентных в области литературы и знающих вас лично, с тем, чтобы совет попечителей, решая вопрос о награждении вас премией, мог обратиться к этим людям за конфиденциальной информацией».

Не знаю, какого рода конфиденциальную информацию они хотели бы получить. Возможно, они захотят узнать что-либо о моих склонностях. Боюсь, вы не очень-то о них осведомлены. Я расскажу вам все.

Я в умеренной степени наделен всеми пороками, за исключением склонности к наркотикам. Если, конечно, табак и кофе не относятся

к их числу. Однажды очень давно я провел целую ночь за решеткой. Произошло это в силу определенного стечения обстоятельств, буйства моего темперамента и вполне понятного желания поколотить полицейского. Последнее оказалось трудновыполнимым. Не думаю, чтобы попечителей это интересовало, но кто знает. Я женат и часто шумно ссорюсь с женой, и мы оба получаем от этого огромное удовольствие. И, наконец, я отличаюсь необыкновенной трудоспособностью. Недавно, например, я закончил роман в сто двадцать тысяч слов (написал три варианта) — и все это за каких-нибудь четыре месяца.

Неловко просить кого бы то ни было ручаться за меня. Мне кажется, было бы лучше, если бы я представил им книгу, которую можно было бы оценить по ее достоинствам.

Я готов сесть за новый длинный роман, совсем не похожий на то, что я писал раньше, но решил отложить работу, пока не соберу достаточно денег, чтобы не отвлекаться. В случае присуждения премии я получу тысячу долларов. Премия выдается за лучшую работу года, но, поскольку мы укладываемся в четыреста долларов в год, деньги эти позволят мне поступить сообразно с моими желаниями и требованиями задуманной темы романа, а именно — посвятить работе над ним целых два года.

Надеюсь, просьба моя не доставит вам больших хлопот. Надежда на получение премии невелика. Но так как условия не очень жесткие, то с вашей помощью я все же рассчитываю получить ее¹⁷.

Искренне ваш,
Джон Стейнбек

*Мейвис Макинтош*¹⁸
Пасифик Гроув

Апрель 1935 г.

Дорогая мисс Макинтош!

Признаюсь, я глубоко потрясен отношением Ковичи (друг и редактор Стейнбека. — В. П.), и не потому, что задето мое самолюбие, а потому, что это типичный пример того отношения, благодаря которому как раз и складывается ситуация, описанная «В схватке с сомнительным исходом»¹⁹. Неужели никто не хочет взглянуть на эти вещи трезво? Ссылаться на то, что книга не подходит по идеологическим соображениям! Это ли не глупейший из всех критических аргументов? Коммунисты не могут быть все на одно лицо. Это совершенно ясно из книги, равно как и то, что идеологии могут

изменяться в зависимости от ситуации. В книге все достоверно. Каждое высказывание любого из моих героев я просто-напросто взял из жизни. Отвечая на второе критическое замечание о том, что книгу будут атаковать обе стороны, скажу, что я это предвидел уже тогда, когда задумал написать непредвзятую книгу. Да и с каких это пор критические нападки стали плохо влиять на спрос на книжном рынке?

В том-то и вся беда, что то с одной, то с другой стороны рисуют соответственно либо идеального, либо отталкивающего коммуниста, и ни одна из сторон не желает предположить, что коммунист прежде всего человек, которому свойственны как человеческие слабости, так и величайшие из человеческих достоинств. Я вовсе не злюсь. Но, наталкиваясь на глухую стену тупого нежелания взглянуть на вещи без предвзятости, мне хочется бежать подальше. Мне жаль, что книга не может быть принята. Я бы написал ее, даже если бы знал все наперед. Что касается издания ее в Англии, то, боюсь, цензура существенно почистит тщательно подобранные мною американские выражения.

Решайте сами, предлагать ли мои книги Ковичи. Я так устал. Мне слишком долго приходилось преодолевать сопротивление — сначала моих родителей, которые хотели сделать из меня юриста, потом издателей, которые хотели, чтобы я стал кем угодно, только не писателем. Так что я приспособился. Если вдруг я перестану встречать сопротивление, возможно, я вообще не смогу писать. Теперь, похоже, поездку в Мексику придется отложить. Я надеялся приступить к большой книге, которая потребует много времени и огромного, настоящего труда. Впрочем, должно быть, Ковичи больше смыслит в книжном рынке, чем я. Дьявольщина! Ведь как-то же я умудрялся жить до сих пор и писать о чем хочу.

Попробую и дальше так держать.

Сегодня я чувствую себя надломленным. Возможно, завтра это пройдет.

Искренне Ваш,
Джон Стейнбек

*Джорджу Олби
Лос Гатос*

1936 г.

Дорогой Джордж!

За эти дни мне пришлось написать кучу писем. Не знаю, представляешь ли ты себе, в какую взрывоопасную бомбу преврати-

лась сегодня Калифорния. Могу лишь заверить, что положение действительно взрывоопасное. Я хочу все видеть и все слышать.

Недавно закончил небольшую книжонку («О мышах и людях»). Как обычно, кому-то она нравится, кому-то нет. Во всяком случае, Ковичи она по душе. Это заковыристая вещица, задуманная, чтобы научиться писать для театра. Теперь работаю над другой книгой, написанной вовсе не мной. Я всего лишь редактирую ее, но вещь чудесная. Законченное социальное исследование, сделанное на основе еженедельных сообщений из лагеря батраков.

Я также написал о батраках статью для «Нейшн» и серию статей для «Ньюс», но положение с сельскохозяйственными рабочими настолько напряженное, что «Ньюс» напугана и не хочет печатать мои статьи. Большая пресса вообще печатает только те материалы о сельскохозяйственных рабочих, где они называются не иначе как «грязные псы». В Салинасе то и дело вспыхивают бунты, и на улицах этого славного городка, где я родился, убивают людей. Не удивлюсь, если все начнется именно отсюда. Я не имею в виду всеобщее восстание, но, во всяком случае, его начальная стадия — костер вот-вот разгорится.

Не знаю, что ты имеешь в виду, предлагая укрыться до поры до времени. По-моему, бегство еще никого не спасало. А уж коли хочешь бежать, то сейчас самое время, потому что к концу 1937 года бежать уже будет некуда. У тебя еще есть месяцев шесть, от силы год.

На сей раз я имею в виду не революцию, а войну. Судя по сообщениям, она надвигается с бешеной скоростью.

Но довольно об этом. Пишу тебе на отремонтированной машинке — все старые мы сдали, а взамен получили одну заново собранную, и печатать на ней одно удовольствие. У меня здесь крошечный кабинет. В нем помещаются только кровать, письменный стол, подставка для ружей да еще небольшой книжный шкаф. Я люблю спать и работать в одной комнате. В доме идет ремонт. Мы достраиваем гостиную. Хотим сделать широкие стеклянные двери и жалюзи, так чтобы при желании можно было пользоваться ею как верандой. Здесь у нас растет шесть разновидностей дубов, а также толокнянка и земляничное дерево. Мы ведь живем в лесу. Ну, мне пора работать.

Джон

*Мистеру и миссис Олби
Лос Гатос*

*11 января 1937 г.
Воскресенье*

Дорогие Джордж и Энн!

Письмо, в котором вы беспокоитесь о моей безопасности²⁰, пришло сегодня утром. Здесь все изменилось. Я больше не пишу никаких статей. И обо мне стали забывать. Так что, если я буду помалкивать, мне практически ничего не угрожает. А пока, мне кажется, я в безопасности прежде всего потому, что я не настолько важная птица, чтобы меня убивать, и в то же время достаточно известен, чтобы мое избиение не вызвало шума. Дом наш застрахован на случай налета или беспорядков.

Думаю, нам придется потуже затянуть пояс. Книга «О мышах и людях» вряд ли принесет деньги²¹. Слишком уж она проста и мала.

У нас идет сильный дождь и стало темно. В моем крошечном кабинете висит электрический фонарь, и слышно как дождь барабанит по крыше. Хорошо.

До свидания
Джон

*Элизабет Отис
Лос Гатос*

Февраль 1938 г.

Дорогая Элизабет!

Вчера утром прибыл чек с гонораром. Спасибо. Целую неделю лил дождь, и нам это здорово поднадоело. Конечно, год будет урожайный, но я не помню еще такого длительного проливного дождя, из-за которого мы сидим дома, отрезанные от всех. У Кэрол болело горло, но, кажется, она поправляется. Собаки изныли от тоски по улице.

Кэрол чудесно провела время (в Нью-Йорке, во время премьеры пьесы «О мышах и людях». — В. П.) и постепенно делится впечатлениями. Сразу после возвращения домой она мало что могла рассказать и теперь каждый день вспоминает понемножку. По-моему, ей все это кажется каким-то сном. Ее мечты сбылись.

Я ужасно рад, что Кэрол вернулась. Она может отвечать на телефонные звонки, и меня, естественно, постоянно нет в городе. Все наперебой пытаются навязать мне какие-то выступления. Не понимаю, зачем это им надо. Конечно же, я ни перед кем не собираюсь выступать, но Кэрол умеет отказать, не обижая.

Думаю, дело по установлению отцовства больше не возобновится²². Хорошо, что я, во-первых, ничего не скрыл от Кэрол, а во-вторых, что мне нечего терять. Конечно же, они думали, я скорее заплачу, нежели стану сопротивляться. Должно быть, ее адвокат тоже на это рассчитывал. Даже если бы у меня были какие-то отношения с этой девочкой, Кэрол знала бы обо всем и в любом случае ничего бы не вышло. Кэрол права, предлагая устроить ей проверку. На теле у меня есть несколько шрамов и родимых пятен, которые не может не заметить жена или близкий человек.

Она не могла их видеть, и, конечно, это хоть как-то доказывает мою правоту. Самый большой шрам остался после операции эмпиемы, но его можно заметить, когда я в плавках. Я ведь учил ее и других детей плавать, и она могла его запомнить. Надеюсь, так далеко дело не пойдет.

Я должен поехать во внутренние районы штата. Около пяти тысяч семей умирают там от голода. Не просто голодают, а буквально умирают. Правительство пытается оказать им помощь продовольствием и медикаментами, но фашиствующие владельцы предприятий общественного пользования, банкиры и крупные фермеры саботируют всякие начинания и вопят о сбалансированном бюджете. В одной из палаток изолированы двадцать человек больных оспой, и в той же палатке лежат две женщины, которые должны родить на этой неделе. Я с самого начала пытался сделать хоть что-то, и теперь мне нужно поехать туда, увидеть все еще раз, и, может быть, я чем-то смогу помочь в борьбе с этими убийцами. Знаешь, чего они боятся? Они боятся, что если этим людям дадут возможность жить в лагерях с нормальными санитарными условиями, они смогут организовать, и одна мысль об этом наводит страх на крупных землевладельцев и фермеров. Они чужаки, а потому власти штата и округа отказывают им в помощи. Но без этих чужаков невозможно было бы убрать урожай ни в одном из районов штата. Я просто в бешенстве. Пожалуйста, никому ни слова, потому что, когда я сделаю свое дело, добropорядочные фермеры снова начнут охоту за моим скальпом.

Вот, пожалуй, и все. Удивительно, какими жалкими и незначительными кажутся мои книги перед лицом таких трагедий.

Джон

Элизабет Отис

Лос Гатос

14 февраля 1938 г.

Понедельник

Дорогая Элизабет!

Утром получил твое письмо с чеком и всякой полезной информацией. Спасибо тебе большое. Я рад, что дело об установлении отцовства практически закончено.

Не знаю, поеду ли я на юг, но в Висейлию (город в штате Калифорния.— В. П.) я уж точно должен поехать. Четыре тысячи семей, вынужденных из-за наводнения оставить свои палатки, в буквальном смысле умирают от голода.

Администрация по расселению пострадавших попросила меня написать несколько репортажей с места событий. Газеты не хотят ничего публиковать на эту тему, но за моей подписью готовы пойти на исключение. Местные власти всячески мешают правительству доставлять продовольствие и медикаменты. Я должен написать такую статью, которая вынудит их уступить. Только позор и огласка могут подействовать на этих отвратных банкиров. Вернувшись, я подробнее расскажу тебе обо всем. Повсюду говорят о страданиях детей в Испании. Но гибель детей от голода в наших собственных долинах просто потрясает. Я должен написать обо всем. Если мои статьи напечатают, то на гонорар я куплю сыворотки и прочие необходимые медикаменты. Возможно, рыбий жир поможет спасти еще оставшихся в живых ребятишек. Конечно, в одиночку здесь ничего не сделаешь. Только в одном районе пострадало около десяти тысяч человек. Как бы там ни было, я сделаю все, что в моих силах.

Наводнение охватило почти всю территорию штата. Дождь льет уже девятнадцать дней кряду.

Вот, пожалуй, и все. Буду держать тебя в курсе событий.

Всего!
Джон

Элизабет Отис
Лос Анджелес

7 марта 1938 г.

Дорогая Элизабет!

...Провел очередную неделю в районе бедствий и только-только вернулся. Из-за наводнения голод и болезни усилились. На этот раз я ездил по просьбе журнала «Лайф». «Форчун»²³ также просил меня написать статью, но я не хочу. Мне не по душе их аудитория. «Лайф» дал мне фотографа, и мы много снимали. Журнал гарантирует, что не изменит моего текста и вышлет верстку. Они финансируют поездку и обещали выделить немного денег в помощь пострадавшим.

Я не могу позволить себе зарабатывать на этих людях. Слишком велики страдания, чтобы переводить их в наличные. Надеюсь, ты не станешь подозревать меня в стремлении изображать из себя Дон Кихота или мученика. Это была всего лишь короткая поездка по районам, где вода даже в палатках стоит по щиколотку и дети лежат по койкам, и нет ни продовольствия, ни отопления, и власти округа отозвали всех санитарок, потому что, видите ли, «проблема так велика, что мы ничего не можем поделаться». Итак, они ничего не делают. Мы видели мальчишку, чья мать умирала от голода, и он был посажен в тюрьму за кражу двух старых нагревателей и порчу всячего замка, который ему пришлось сломать. Либо я добьюсь освобождения мальчишка, либо окружному прокурору придется оправдываться до конца его дней.

Ты понимаешь, что я хочу сказать. Мне еще не доводилось видеть ничего более душераздирающего. Если «Лайф» напечатает статью, то он поместит и фотографии. Тогда ты увидишь лица этих людей и все поймешь²⁴. Всякий раз я использую любую возможность и еду к ним, потому что когда видишь голодающих детей и у тебя есть хоть немного денег, то тут уж не до рассуждений о бессмысленности одиночных усилий. По крайней мере я не могу убедить себя в этом. Так что не сватай меня популярным иллюстрированным журналом. Я хочу заклеить позором этих алчных мерзавцев, и тут газеты могут оказаться полезнее.

Вскоре я намерен встретиться с министром сельского хозяйства и попытаюсь выяснит для самого себя, в какой степени помощь правительства продиктована гуманитарными соображениями и в какой носит чисто политический характер. Тогда мне станет ясно, как действовать.

Сейчас пытаюсь привести в порядок дела, накопившиеся за неделю моего отсутствия. К тому же три дня и три ночи я провел в грязи

и сырости и здорово простудился, но теперь нет времени болеть, так что скоро войду в форму.

Извини за несколько раздраженный тон письма. Я действительно раздражен и зол.

Спасибо за все.

Всего.

Джон

Элизабет Отис
Лос Гатос

1938 г.

Дорогая Элизабет!

Сегодня во второй половине дня вышлем тебе с нарочным рукопись романа «Гроздь гнева». Молю бога, чтобы он тебе понравился. Сразу же сообщи сначала о получении романа и потом, что ты о нем думаешь. Я забыл вложить текст и ноты «Боевого гимна республики»²⁵. Хочу, чтобы гимн был полностью напечатан на отдельной странице перед началом романа. Полностью — и текст и музыка к нему. Это одна из лучших песен в мире, и, прочитав книгу, ты убедишься, что ее слова в романе имеют особый смысл. Пусть музыка к песне тоже будет опубликована на случай, если кто-нибудь ее забыл. Само по себе название песни «Боевой гимн республики» в сочетании с книгой также приобретает особое значение.

Как бы там ни было, но книга написана, и мы с нетерпением ждем твоего мнения о ней, потому что хорошо знаем — оно будет откровенным и независимым.

С любовью, Джон

Паскалю Ковичи
Лос Гатос

1 января 1939 г.

Дорогой Пат!

Впервые за двадцать лет болезнь свалила меня в постель. Думаю, недели на две. Не меньше. Нарушение обмена веществ. Очевидно,

переработал над книгой... Во всяком случае, теперь я в постели и наконец могу приняться за письма... До сих пор не знаю твоего мнения о книге («Гроздь гнева».— В. П.), и можно ли считать рукопись законченной. С точки зрения техники письма, по-моему, это неплохая книга. По крайней мере, закончив ее, я не испытываю обычных сомнений. Все дело в том, что книга революционная и фашистский сброд попытается ее саботировать. Они обвинят меня в коммунизме. Однако «Боевой гимн республики» произведение исключительно американское. Более того, каждый американский ребенок учит этот гимн, но, правда, потом забывает слова. Так что, если и слова и музыка будут напечатаны, то это с самого начала подчеркнет связь романа с американской действительностью. К тому же это один из лучших известных мне гимнов...

У нас очень красиво. Из моего окна открывается вид на долину. Хочется выбраться из дому и покопаться в земле.

Напиши, когда будет время. Я так давно не брался за письма, что разучился их писать.

С любовью, Джон

*Его преподобию Л. М. Биркхеду
Лос Гатос*

7 мая 1940 г.

Уважаемый г-н Биркхед!

Отвечаю на ваше письмо и испытываю при этом чувство глубокого огорчения. Прискорбно, что наступили времена, когда, прежде чем одобрить или отвергнуть работу человека, нужно выяснить его расовую принадлежность. По-моему, не имеет значения, еврей я или нет, да к тому же, коль скоро пристрастному критику необходимо это предвзятое предположение, то моего заявления тут недостаточно. Мне непонятно, как можно назвать «Гроздь гнева» еврейской пропагандой, хотя, впрочем, я уже слышал, как этот роман называли коммунистической пропагандой.

Так уж случилось, что я не еврей и во мне вообще нет еврейской крови, но так случилось и не более того. Я не испытываю никакой гордости по этому поводу.

Если вам так угодно, то вот моя родословная, хотя вам-то должно быть известно, что думают сведущие антропологи по поводу расовых теорий. Как вы сами убедитесь, я типичный американский эрдельтерьер.

Мой дед по отцовской линии был немцем, выходцем из семьи фермеров, которые жили и до сих пор живут на сравнительно большой ферме неподалеку от Дюссельдорфа. Дед приехал в Америку в пятидесятые годы, так что смог участвовать в Гражданской войне (1861—1865 гг.— В. П.). С тех пор связь с немецкими родственниками практически прервалась, если не считать поездки в Германию около четырех лет тому назад моего троюродного брата. Он сообщил, что родня наша по-прежнему живет на той же ферме, что они добропорядочные граждане, исключительно белокурые, и полностью отвечают предъявляемым нацистами абсурдным требованиям. Их фамилия, а кстати, и моя, была Гроссстейнбек, но три «с» подряд преступление для Америки, и потому в интересах правописания дед мой опустил первый слог.

Дед-немец женился на женщине из Новой Англии по фамилии Диксон. Она была родом из Лемингстера, штат Массачусетс, где ее семья проживала с середины семнадцатого столетия.

По материнской линии во мне течет исключительно североирландская кровь. Фамилия моего деда с этой стороны была Гамильтон, и он был уроженцем небольшого местечка близ Лондондерри, и его жена по фамилии Фиган была из тех же мест.

Так-то вот. Хотите пользоваться этой информацией, хотите нет, хотите публиковать ее, хотите нет. Те, кому по той или иной причине хочется считать меня евреем, будут по-прежнему считать так, в то время как людям доброй воли и здравого смысла это совершенно безразлично.

Конечно, я мог бы все доказать, но в день, когда мне придется это сделать, американская демократия окончательно перестанет существовать.

Ваше письмо одно из многих полученных мною писем на ту же тему. Вы первый и, думаю, последний, кому я ответил. Я понимаю ваше положение и не виню вас за подобное письмо. Мне только горько, что в наше время есть предрассудки, порождающие такие письма.

Искренне Ваш,
Джон Стейнбек

P.S. Вот уже много поколений мои родичи по обеим линиям настолько белокуры и голубоглазы, что могут вызвать зависть у смуглого Гитлера.

*Карлtonу Шеффилду
Лос Гатос*

15 октября 1940 г.

Дорогой Дук!

После целой серии яростных телеграмм я, как и было запланировано, уезжаю в пятницу в Мехико²⁶.

Мне очень приятно, что тебе понравилось мое ранчо. Оно и вправду очень красивое, и я даже частенько испытываю неловкость от того, что живу на нем. В такое место лучше приезжать в гости, нежели владеть им. В любом случае я не ощущаю себя хозяином. Я считаю это ранчо Кэрол, а я, как мне кажется, здесь в гостях.

Чувство одиночества и разочарования нисколечко не притупилось. Напротив, похоже, оно лишь усилилось. Только теперь я могу позволить себе говорить или хотя бы признаваться в этом, потому что теперь я стал обладателем вещей, с приобретением которых, по мнению большинства людей, одиночеству и разочарованиям нет места. Но это не так. Последний раз я видел Чаплина (об этом, пожалуйста, никому не рассказывай) в тот самый вечер, когда маленькая леди (Полетт Годдар)²⁷ оставляла его навсегда.

И он сказал: «После того, как фильм («Великий диктатор». — В. П.) выйдет на экран и с формальностями будет покончено, разреши мне, пожалуйста, приехать к тебе на ранчо, прогнать прислугу и спокойно поговорить о том, как мне грустно и одиноко. Конечно, это распушенность чувств, но мне бы этого очень хотелось». Он славный маленький человечек. И уж кто-кто, а он лучше меня познал горечь популярности.

Как все-таки странно. Помнишь, Мексика представлялась нам некой золотой мечтой, и мы даже не верили, что когда-нибудь попадем туда, нам этого очень хотелось. И уж, конечно, я не предполагал, что буду ездить в Мексику много раз и при этом без особого желания. Так получается и с красивыми женщинами. Помню, мне ужасно хотелось хотя бы удостоиться общения с ними. А теперь они нагоняют на меня смертную тоску, потому что на самом деле они вовсе не столь прекрасны. Я знаю одну, ну, может быть, двух женщин, с которыми мне легко и тепло, и они меня волнуют, и я счастлив, но они вовсе не красавицы, то есть не общепризнанные красавицы.

Кэрол увлеклась новым хобби. Она берет два ведра, отправляется на пастбище, наполняет ведра сухим коровьим навозом, приносит его, удобряет сад и снова отправляется на пастбище. Так она удовлетворяет свое антропоморфическое влечение к хозяйству, и вообще ее это забавляет.

Мне пора идти. Плотник, построивший этот дом, пару дней назад сорвался с крыши и сломал ногу. Сейчас он в больнице, и я хочу его навестить.

С любовью, Джон

*Мейвис Макинтош
Пасифик Гроув*

6 апреля 1941 г.

Дорогая Мейвис!

Я пережил ужасное время, и меня до сих пор трясет, но по крайней мере я попытаюсь хоть как-то объяснить тебе, что произошло. Нервы мои сдали окончательно, и я рассказал Кэрол все: как глубоко завяз (Стейнбек имеет в виду отношения с Гвендолин Конгер.— В. П.) и как мало общего оставалось у нас с ней. Она ответила, что даже этого малого ей достаточно и что она намерена бороться. Вот как обстоят дела. Все в открытую, все честно. Не знаю, как поступит Гвен. Да и сама она этого не знает. Мы по-прежнему привязаны друг к другу. Кэрол ведет себя безукоризненно. Мне вообще непонятно, как я еще не надоел им обоим. Как бы там ни было, но Кэрол целиком захватила мое внешнее «я», а Гвен — внутреннее, и, похоже, мне уже никогда не удастся свести оба «я» воедино.

Ранчо мы продаем. Я купил небольшой домик в Пасифик Гроув, но ты пока пиши в лабораторию²⁸ для передачи мне. Не помню даже названия улицы. Возможно, вспомню, пока закончу письмо. Очевидно, я был близок к нервному срыву, но, кажется, обошлось. Мы живем здесь практически на чемоданах. Я стараюсь не распускаться, хотя мне досталось не меньше, чем остальным. Странно. Ощущение полной безнадежности, и все же, я думаю, время расставит все по местам. По крайней мере не надо ни от кого скрываться... Можешь рассказать Элизабет все, что пожелаешь, но особенно ее не расстраивай. Больше всего страдает моя работа, но и с этим я пытаюсь бороться. Забавно, да?

Передай всем мою любовь,
Джон

*Уэбстеру Ф. Стриту*²⁹
Нью-Йорк

8 декабря 1941 г.

Дорогой Тоби!

Вчера было совершено нападение на Гонолулу³⁰. Быстро, не правда ли? Боюсь, какое-то время нам не избежать тяжелых потерь, но само нападение, каков бы ни был его успех с тактической точки зрения, провалилось, потому что именно после него страна сплотилась. Но пока мы потеряем много кораблей. Очень скоро я начну работать. Получил кредит под пьесу. Ее новое название «Луна зашла»³¹, и уже на этой неделе ее начнут ставить. Только вчера вечером я закончил писать текст.

Рецензии на «Море Кортеса» очень хорошие и яркие. Завтра пошлю тебе вырезки. Как думаешь, послать одну из них Кэрл? Я отправил ей экземпляр рукописи, но она ничего не ответила мне, а Ковичи сказала, что книга никуда не годится. Как, по-твоему? Что ей будет менее обидно?

Любопытно, арестован ли уже мой садовник-японец³². Если нет, то, думаю, скоро его арестуют. Тогда, пожалуй, запри дом. Грузовик продай, прошу тебя. Мне он теперь ни к чему. Я поступаю на службу, которая продлится, очевидно, довольно долго, и грузовик мне не понадобится. А вот машину я хочу оставить. До поступления на службу хочу привести в порядок все дела. Не знаю, сколько у меня на это времени — день, неделя или месяц. Я все сообщу тебе и напишу, где меня найти. События развиваются быстро.

С любовью, Джон

Уэбстеру Ф. Стриту
Отель «Бедфорд»

Нью-Йорк
12 января 1942 г.

Дорогой Тоби!

Сегодня я встал раньше обычного, так что никто не помешает написать тебе письмо. Я работал над пьесой, проверяя каждую строчку, слово и сцену, и режиссер Ли Страсберг каждый день был здесь со мной...

С самого утра как-то скверно на душе. Меня тянет на запад (в Калифорнию.— В. П.), но один бог знает, когда это станет возможным,— должно быть, не раньше, чем закончится война. Наверное, Кэрол возненавидела меня, и мне это очень неприятно. Я бы хотел укрыться ненадолго в своем маленьком домике. Нет, я не распускаю слюни.

Пожалуй, тебе лучше отключить телефон.

Гвен чувствует себя хорошо, но жизнь на чемоданах ее не очень устраивает. Ей хочется домашнего уюта, но пока ничего подобного не предвидится. Правда, она не жалуется. А когда меня наконец вызовут, я не знаю, куда придется ехать,— может быть, в Вашингтон или еще куда-нибудь. Новая книжица («Луна зашла» — повесть) выйдет в конце февраля или в начале марта. «Вайкинг пресс» (амер. издательство.— В. П.) надеется, что книга пойдет хорошо. «Море Кортеса» расходуется плохо, и денег за нее я получу немного. Впрочем, очень хорошо, что все вышло именно так.

В Нью-Йорке сейчас хорошо. На крышах зданий лежит снежок, и воздух холодный, бодрящий, и гулять одно удовольствие. Слишком много всего было у меня на душе, чтобы забыть обо всем и просто гулять. А, наверное, надо бы.

Как бы там ни было, с внешней стороны моя личная жизнь обретет ясность через неделю-другую (Стейнбек находился в ожидании развода.— В. П.). Я сразу же дам тебе знать. А пока Гвен сидит на ящике с динамитом, но не жалуется. По-моему, она больше, чем кто-либо, стремится к надежной семейной жизни. Кэрол только казалось, что она этого хочет. А Гвен, у которой никогда не было своего очага, обладает настоящим призванием к семейной жизни. Призвание это настолько переполняет ее, что при малейшей возможности оно передается и другим. До сих пор такой возможности у нее не было. Если бы мы могли хотя бы снять дом или квартиру в Вашингтоне. Большого ей не нужно. Ей хочется готовить самой. Она ничего не говорит об этом. Знаешь, тот крошечный период времени, что мы провели вместе в Пасифик Гроув, был единственным за всю ее жизнь, с самого детства, когда у нее был свой дом. Как ни странно, но и я впервые почувствовал себя дома только тогда.

Любопытно, но пока я писал это письмо, на душе у меня стало светлее. Я чувствую себя лучше, увереннее. Сегодня эта перспектива меня не пугает. Заснеженные крыши осветило солнце, и внизу на улице кто-то играет на шарманке. Возможно, мир не без радости. И дело здесь вовсе не в комфорте. Нет, я точно успокоился, пока писал тебе.

После войны, если только смогу, я знаю чего я хочу. Если позволят мои семейные и денежные дела, я хотел бы иметь участок земли — акров десять, где-нибудь на берегу океана, неподалеку от Монтерей, обычный удобный домик и помещение для животных — возможно,

лошадь и несколько собак — и я хочу детей. Вероятно, мне не суждено иметь это, но большего я не хочу. Я почти уверен, что и Гвен хочет того же. Да, еще я хотел бы лодку. Думаю, все это не про меня. Но как только кончится война, я буду стараться, и хоть что-то должно получиться. А детей хорошо бы иметь уже сейчас, не дожидаясь конца войны. Теперь я знаю, что Гвен может вести гостеприимный дом, где я всегда буду желанным. Поразительно! Я никогда не был по-настоящему желанным в собственном доме. Вот почему в наших домах всегда было так тоскливо. В них не хватало радушия. Странно, не правда ли, сижу здесь и мечтаю о невероятных вещах. Мои лучшие годы с точки зрения возможности заработать деньги уже проходят. Это не значит, что я не буду работать и работать хорошо. Но в финансовом отношении успешные для писателя годы можно сосчитать по пальцам. И на запасы рассчитывать уже не приходится.

Но ничего. Проживем. Даже здесь наш дом полон любви.

Пожалуй, пора заканчивать. Я здорово разболтался. Но, кажется, это было необходимо.

С любовью, Джон

Уэбстеру Ф. Стриту

23 июля 1942 г.

Дорогой Тоби!

Мое положение в армии таково: я назначен специальным консультантом в министерстве обороны и прикомандирован к штабу военно-воздушных сил. Командующий ВВС написал письмо в призывную комиссию, чтобы меня не брали на действительную службу. Я заявил, что если меня призовут, то я откажусь от отсрочки. По окончании этой работы ³³ месяца через три я наконец буду призван на военную службу в отдел «Джи-3» штаба военно-воздушных сил. Я также являюсь редактором иностранной информации Управления военной информации.

В начале осени, возможно в сентябре, перееду на западное побережье, в Голливуд, где буду писать сценарий и руководить съемками фильма, посвященного военно-воздушным силам ³⁴, и уже после этого приступлю к работе в отделе «Джи-3», о которой я тебе уже говорил. Наверное, я неправильно называю номер, — может быть, «Джи-2». Во всяком случае, это разведотдел. Я не очень силен в цифрах. Мне дадут новый, только что созданный подотдел.

После введения карточек на бензин и частичного затемнения побережье здесь стало неузнаваемым.

Прошлым вечером я был на «Таймс сквер», и у площади какой-то призрачный вид. Крупные световые рекламы не горят, и толпа кажется притихшей, люди как тени. Улицы освещены плохо, а светофоры и дорожные знаки затемнены так, что оставлены только узкие, еле различимые прорези. Быстро ездить нельзя. Разрешается пользоваться только габаритными огнями. Я предпочитаю выбиратьсья в город как можно реже.

Вот и все, пожалуй.
С любовью, Джон

*Уэбстеру Ф. Стриту
Нью-Йорк*

15 марта 1943 г.

Дорогой Тоби!

Мы собираемся в Новый Орлеан и там поженимся. Гвен приедет на следующей неделе, а я числа 27-го, если достану билет на самолет. Теперь кое-что по секрету. Мне так надоела работа в правительственном учреждении, что я начинаю подыскивать другое место. Сейчас выясняю возможность получить корреспондентскую аккредитацию от «Геральд трибюн», или «Колльерса», или Ассошиэйтед пресс, или от кого-нибудь еще, и если получится, то уже после 1 апреля отправлюсь в Европу. Я знаю, что мне делать и что нужно видеть, и я обязательно найду способ поехать на фронт. Возможно, из этого ничего не выйдет, но служить в армии или в правительственном аппарате также мало толку. В Вашингтоне повсюду только интриги, властолюбие и бюрократизм. Я хотел бы получить работу в какой-нибудь крупной реакционной газете, например, в «Геральд трибюн», потому что только так можно побывать везде, где пожелаешь.

Если я правильно во всем разобрался, то в случае призыва в армию я бы предпочел быть рядовым. Остальное уж очень напоминает систему землячества в Станфордском университете. Кстати, я до сих пор не получил официального отказа от призывной комиссии.

По-моему, скоро начнется крупное наступление, и я хотел бы его видеть. Вот почему я пытаюсь отправиться в Европу военным корреспондентом. Но очень может быть, что я никому не нужен. Впрочем, заниматься этим я начал только вчера.

С любовью, Джон

Уэбстеру Ф. Стриту
телеграмма
Нью-Йорк

5 апреля 1943 г.

Аккредитован военным корреспондентом «Геральд трибюн». Командирован министерством обороны европейский театр. Отправление — середина апреля.— Джон.

«20 век — Фокс»
Кинокорпорация
Нью-Йорк

10 января 1944 г.

Уважаемые господа!

Только что я посмотрел фильм «Спасательная шляпка», поставленный Альфредом Хичкоком, где я фигурирую в качестве автора сценария. Хотя фильм во многих отношениях великолепный, у меня все-таки есть несколько замечаний. Конечно, правда, что я написал сценарий к фильму, но только в моем сценарии в отличие от фильма не было никаких оскорбительных выпадов против членов профсоюза, равно как не было и шаблонного негра-комика. Напротив, у меня в сценарии был умный, заботливый моряк, который реалистически оценивал свои возможности. А вместо обычного пародийного негра — полукомика, полупатетика был негр-личность, целеустремленный и полный достоинства. Поскольку в фильме упоминается мое имя, мне было бы очень неприятно, если бы эти двусмысленные отклонения относились на мой счет.

Джон Стейнбек

Из письма Энни Лори Уильямс (литературный агент.— В. П.) февраль, 1944 г.

...По-моему, неправильно, что, зная, каково воздействие фильма на большинство людей, студия до сих пор не положила его на полку. Что касается Хичкока, то его мотивы мне вполне понятны. Во-первых, он так долго занимался постановкой фильмов о международных шпионах и всякого рода тайных боссах, что искажения в конце концов стали для него привычным делом. Во-вторых, он принадлежит к числу неисправимых английских снобов-буржуа, которые действительно

и всерьез презирают рабочий класс. Как вы знаете, меня беспокоят и другие, чисто технические моменты. Я знаю, что один человек не способен грести на лодке такого размера, и в моем сценарии веслом пользуются исключительно как рулем...»

*Карлtonу А. Шеффилду
Нью-Йорк*

12 апреля 1944 г.

Дорогой Дук!

Довольно долго я ничего не писал и ничего не слышал. Во время моих неприятностей в Калифорнии я намеренно отрезал себя от всех, чтобы не перекладывать свои горести на других, а затем началась война, и я оказался в гуще событий. Ты будешь смеяться, узнав, что целых полтора года я пытался попасть в армию, но был забаллотирован и не мог проникнуть в этот крупнейший в мире клуб. Сейчас меня это даже радует, но тогда все выглядело весьма грустно. Сумей я пробиться сразу, и мне пришлось бы либо охранять мост в Санта-Фе, либо стрелять памфлеты для «Санта-Ана-Эйрфорс монитор». А так мне довелось увидеть войну. Пожалуй, даже слишком близко.

Обнаружив у себя какие то странные симптомы, я пошел к врачу и узнал, что у меня лопнули обе барабанные перепонки и к тому же, очевидно, полопались крошечные сосуды на теле — на голове, под кожей, в желудке. Доктор сказал, что иногда при вскрытии они обнаруживали разорвавшиеся капилляры даже в костном мозгу. Во всяком случае, на заживление этих маленьких сгустков крови уйдет год, а то и два. Слышу я уже хорошо, так что перепонки, очевидно, заживают или зажили, но прочие болячки — нервность, кошмары, бессонница — пройдут не сразу. В Италии мне здорово досталось, но, как ни странно, ранен я не был...

Мы живем в квартире по указанному выше адресу, и в июле Гвен должна родить, и я очень счастлив. Потом, зимой, я собираюсь в Мексику снимать фильм («Жемчужина»), а там надеемся вернуться в Калифорнию. Я ужасно соскучился по дому...

Сейчас я снова начал работать и работаю каждый день над забавной книжицей (роман «Консервный ряд». — В. П.). Мы занимаем нижний этаж старого особняка, и у нас есть свой дворик и овчарка, такая же сумасбродная, как и все мои собаки. Уж если жить в Нью-Йорке, то это наилучший вариант. Здесь нет ничего общего с типичным нью-йоркским жильем, и очень важно, что есть свой двор. Как и большинство жителей, мы редко выбираемся за пределы района.

Нью-Йорк самый изолированный город в стране. Небольшие островки, населенные людьми, никогда не выбирающимися за пределы своих районов...

У нас удобный дом, и нам в нем легко дышится, и мы очень любим друг друга, и это просто здорово. Я даже не верил, что такое возможно. Наверное, и ребенок поэтому родится хорошим. Я с нетерпением жду его появления.

Новости с фронта тоже хорошие, хотя я знаю, как газеты умеют все перевернуть. Когда они писали о наших блестящих победах и триумфальном наступлении в Италии, на самом деле в этот период немцы из нас буквально душу вытрясали. Помню, например, одно сообщение о прорыве обороны противника. В действительности фрицы отошли ночью, и мы их просто-напросто потеряли. Но происходили и невероятные, восхитительные события, о которых я напишу попозже...

Как всегда твой. Джон

*Паскалю Ковичи
Монтерей*

ноябрь, 1944 г.

Пат, дорогой!

Я, очевидно, надоел тебе своими письмами, но эта история тебе должна понравиться. Помнишь, я говорил тебе, что собираюсь снять помещение для работы? В Монтерее есть только одно подходящее здание, принадлежащее человеку по имени Парсонс.

Три дня я пытался поймать его по телефону, и наконец сегодня утром мне это удалось. Я сказал: «Я хочу снять помещение на пару месяцев». «Очень хорошо,— сказал он,— у нас как раз есть несколько свободных контор. Как ваша фамилия?» «Стейнбек»,— сказал я. «А чем вы занимаетесь?» — спросил он. «Я писатель»,— сказал я. Наступила долгая пауза, а потом он спросил: «У вас есть официальное разрешение на практику?» «Нет,— ответил я.— В моей профессии этого не требуется». Снова наступила долгая пауза, и он сказал: «Извините, таким людям мы не сдаем. Нам нужны люди интеллигентного труда — врачи, дантисты и страховые агенты».

Великолепно! Не правда ли? Так что я освободил деревянный сарай, поставил в нем стол и буду там работать. Вот и вся история. Мне показалось, тебе небезынтересно будет узнать, что в своем родном городе я не могу снять помещения для работы и домовладелец даже не

слышал о моем существовании. Sic transit. (Sic transit gloria mundi — лат., «так проходит земная слава». — В. П.), а может быть, никакой славы не было.

Привет. Джон

*Паскалю Ковичи
Киев, Украина, СССР* ³⁵.

11 августа 1947 г.

Дорогой Пат!

Посылаю тебе короткое письмо. Мы здесь уже неделю и, наверное, пробудем до следующей пятницы. Это прекрасная страна и прекрасный город, но он был безумно, варварски разрушен немцами. Повсюду идут восстановительные работы, но пока они очень затруднены из-за отсутствия техники. Мой блокнот заполняется интересными записями, а Капа много снимает, и фотографии, по моему, должны быть удачными. Украинцы — гостеприимные люди с великолепным чувством юмора. Я полностью записываю беседы с фермерами и рабочими, так как боюсь что-нибудь забыть. Нам повезло, что мы смогли сюда приехать. Увидели массу интересного.

13 августа

Только что приехали из колхоза. Отлично провели время и узнали много нового. Мы первые иностранцы за много лет, приехавшие в эти места. Дети смотрят на нас с любопытством. Они только слышали про американцев. Беседовать с фермерами и рабочими одно удовольствие, и даже необходимость говорить через переводчика не мешает чувствовать их остроумие.

Спасибо тебе за то, что встретил Гвен. Она действительно ужасно устала. Такие перелеты изматывают. Я получил от нее только одно письмо, но, возможно, в Москве ждут еще письма. Попробую послать телеграмму и успокоить ее. Я не получаю новостей из Америки, и это даже приятно. Я все равно ничего не могу изменить, а потому уж лучше быть подальше от наших проблем. Почему бы тебе не черкнуть мне пару строк и рассказать, как там дела. Пиши для передачи мне по адресу: Москва. Отель «Метрополь», Джо Ньюмену (в то время глава Московского бюро «Геральд трибюн». — В. П.).

Приближается вечер. Мы идем на симфонический концерт, который состоится в парке на крутом берегу Днепра. Играют Брамса и Прокофьева...

*Гвендолин Стейнбек
Сталинград, СССР*

20 августа 1947 г.

Дорогая!

У нас все как обычно. Приехали в два часа, а вставать пришлось в три. Этот город действительно разрушен, причем не бомбами, а снарядами, и стены домов изрыты и исполосованы пулеметным огнем, как оспой. Нет ни одного целого здания. Заводы в развалинах. Должно быть, это была крупнейшая в истории битва. Гостиница восстановлена, и в ней довольно комфортабельно. В этой местности выращивают дыни.

По-моему, я страшно устану от переездов, пока попаду домой. Скоро уже три с половиной месяца, как я живу на чемоданах. Дома какое-то время я смогу только сидеть и работать, а может быть, просто сидеть. У меня будет над чем поразмыслить — уйма впечатлений.

Без недоразумений не обошлось. Я признаю, что наш русский язык несколько ограничен, но мы можем сказать «привет», «входите», «вы очень красивы», «о нет, что вы» и так далее... Итак, мы заказали на завтрак омлет, гренки и кофе, а получили салат из помидоров с луком, соленые огурцы, большой кусок арбуза и две бутылки газированной воды. В чем-то мы дали промах.

Шлю всем свою любовь и больше всех тебе, Джон

*Элизабет Отис
Париж*

17 июня 1954 г.

Дорогая Элизабет!

Жанр рассказа чахнет.

Один бог знает, сколько я думал над этим.

Мне кажется, что большинство американских писателей, и я в том числе, обращаются главным образом к прошлому. Мы заинтересованы в создании и прославлении старины.

Похоже, мы стремимся нащупать прошлое, которое, возможно, никогда не существовало. Воспоминания детства, предания о переселенцах, романы о старых тетушках и т. д. Все это прекрасно, но не до бесконечности. Лишь немногие американские писатели, публикующи-

еся главным образом в «Нью-Йоркер»³⁶, пишут о сегодняшнем дне и даже пытаются заглянуть в будущее. Поразительно, но и сам я уже довольно долго не обращался к современной тематике. Мне вдруг показалось, что настоящее представляется нам настолько смутным, что мы не в состоянии разобраться в происходящем и предпочитаем отмалчиваться.

Но может ли это служить препятствием?

Коль скоро мы живем в смутное время, именно оно и должно стать предметом внимания хорошего писателя, если он хочет отразить свою эпоху. Например, слушания Маккарти будут оказывать влияние на молодых людей на протяжении всей их жизни.

Реакция на этот спектакль, какова бы она ни была, явится своеобразным ключом к пониманию нашего отношения ко всему в будущем. Если подобные явления не отразить в художественных произведениях, то целый пласт современного мышления и мироощущения будет потерян. Останутся лишь протоколы слушаний, но отношение к ним людей будет отсутствовать. Что вы думаете на этот счет? Интересно, смог бы я написать что-либо? Однако попробовать стоит.

С любовью, Джон

Элизабет Отис

Лондон, 17 сентября 1954 г.

Когда писатель начинает очень молодым, то, помимо фабулы, ему приходится думать над манерой письма, словами, ритмом, приемами, переходами, над характерами, литературными эффектами. Но спустя годы проб и ошибок большинство из этих проблем оказываются решенными, и у писателя вырабатывается то, что называют стилем. Вот когда задуманное хорошо ложится на бумагу и все написанное отмечено неизгладимой печатью авторства. Полагают, что это идеальная ситуация. А писатель, сумевший достичь такого уровня, считается удачливым.

Я только теперь начинаю с ужасом осознавать роль стиля. Если я обдумываю сюжет, то он автоматически выстраивается сообразно моей личной, рожденной в длительной борьбе манере письма. Но это непосильное бремя. Хвост воздушного змея служит для того, чтобы держать его стабильно на одной высоте, но он также лишает змея маневренности и частенько тянет его к земле. Не диктует ли нам наш стиль не только как, но и что писать? Другими словами, стиль, или манера, письма могут стать смирительной рубашкой, губящей писателя. Похоже, правда, что когда пишется легко, написанное никуда не годится. Нет ничего опаснее легкости. Но есть ли тут другое

решение? Допустим, я хочу изменить тему. Не станет ли моя манера письма, превратившаяся в нечто подсознательное, сковывать меня и тянуть назад на прежние позиции и исподволь превращать новую работу в старую?

Мне хочется отделаться от моей манеры письма, не оставить от нее камня на камне и начать все сначала. Я много думал над этим. Похоже, нашел решение, но оно слишком сырое, чтобы изложить его на бумаге.

Элизабет Отис
Рим

29 октября 1954 г.

Дорогая Элизабет,

Пожалуй, я напишу тебе еще сегодня вечером. Прием в мою честь (в посольстве) был довольно приятным, никакой натянутости. Список приглашенных пестрел знаменитостями. Не обошлось без курьеза. Они хотели устроить выставку моих книг. В библиотеке посольства числится около семидесяти изданий разных лет. Но все книги оказались на руках, и собрать их не удалось, так что им пришлось купить десяток книг в городе...

Вчера вечером я узнал о присуждении Нобелевской премии Хемингуэю, чему очень обрадовался. Он давно заслужил эту премию.

Италия наводнена летающими тарелками. Вчера на улицах все глазели куда-то вверх. Тысячи людей утверждают, что они что-то видели. Клэр Люс (посол США в Италии.— В. П.) говорит, что и она что-то видела. Говорят, даже футбольный матч был прерван, и шестьдесят тысяч зрителей видели, как три тарелки пролетели над стадионом. Я лично ничего не видел, но вся Италия взбудоражена. В каждом интервью меня спрашивают, что я думаю по этому поводу. Я заготовил шаблонный ответ, в который даже сам готов поверить. Людям всегда что-то видится. В средние века — ангелы, потом ведьмы. Теперь тарелки. Не знаю, что там на самом деле летает, но люди всегда что-то видят. Всегда...

С любовью,
Джон

*Уэверли Скотт³⁷
накануне помолвки
Сэг-Харбор*

8 июля 1955 г.

Дорогая Уэв!

Если хочешь, считай это письмо сугубо конфиденциальным. Можешь сделать с ним все, что угодно, включая и то, о чем ты сейчас подумала.

Теперь все начнут давать тебе советы. Только не я. Я всегда с подозрением относился к советам, потому что обычно советчик менее, чем кто-либо другой, располагает необходимым опытом. Как правило, советуют воспитатели, не имеющие собственных детей, сексологи, никогда не состоявшие в браке...

Я всего лишь хочу задать тебе несколько вопросов, на которые не обязательно отвечать. Они основаны на моем собственном сумбурном опыте. Я, наверное, совершил бы те же ошибки, даже если бы знал обо всем заранее. И все же за ответами на эти вопросы кроются маленькие личные трагедии.

Ты, конечно, и без меня понимаешь, что два человека не могут нравиться друг другу постоянно и при любых обстоятельствах. Правда также, что если знать наперед все, что тебя ждет, то можно вообще никогда не выйти замуж.

Я всегда думал, что брак заключается исключительно между мной и моей избранницей и что больше никому нет до этого дела. Это правда, если не считать того, что абсолютно все начинают вмешиваться в ваши дела. Ты полагаешь, что вступаешь в брак свободной, ни от кого не зависящей личностью, но постепенно убеждаешься, что за тобой, как за кометой, тянется хвост. Хвосты эти невозможно обрубить... Ваши семьи и прошлое необъяснимым образом постоянно будут находиться рядом с вами.

Вопросы мои просты, но страшны. Они не относятся лично к тебе или лично к Джиму. Поэтому можешь их ему показать...

1. Интересен ли тебе твой избранник помимо секса? В идеальной ситуации людям лучше всего именно после близости, когда они удовлетворены, счастливы и откровенны. Секс — своеобразная война, но только после него наступает умиротворение, когда мужчина и женщина становятся одним целым... К сожалению, так бывает нечасто, но это один из признаков успешного союза...

2. Можно привыкнуть и мириться с какими-то крупными недостатками в человеке. С ума сводят, как правило, разные мелочи. Кэрол грызла ногти, и хотя знала, что меня это раздражает, про-

должала как ни в чем не бывало. Конечно, она делала это не назло, а просто не могла себя контролировать. Думаю, таким образом она подсознательно наказывала меня за те мои привычки, которые раздражали ее... Подобные мелочи не исчезают. Они нарастают. Например, ты грызешь лед, и это раздражает меня. Если бы я женился на тебе, то это раздражало бы меня еще больше. Разозлившись по какому-нибудь другому поводу, я бы всю свою злость обрушил именно на злосчастный лед. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

3. Следующий вопрос касается отношений с родственниками. Ты полагаешь, что можешь изолироваться от них, но не тут-то было. Родственники тоже часть хвоста кометы. Нравятся ли тебе родственники Джима настолько, что ты готова общаться с ними до бесконечности? Нравишься ли им ты или они хотят, чтобы ты изменилась? Видишь ли, женившись, Джим так же, как и ты, не порвет со своей матерью. Подсознательно мать всегда представляет угрозу браку, даже если она не хочет этого.

4. Снобистский вопрос, но задать его себе нужно, потому что все мы в известной мере снобы. Как ты относишься к Джиму с социальной точки зрения? Достаточно ли, с твоей точки зрения, интеллигентны родственники Джима? Проверить себя можно, только ответив на следующий вопрос. Есть ли в мире какой-нибудь человек или группа лиц, с которыми ты не очень охотно познакомилась бы Джима или его родственников (миссис Рузвельт, Лоуренс Оливье, принцесса Маргарет, твоя бабушка Мунна, твоя учительница миссис Бейкон, Эдлай Стивенсон)?..

5. Джим должен зарабатывать на жизнь. Работа займет значительную часть его времени, и делать ее он будет в силу своих возможностей и способностей. Поскольку ваше благополучие во многом зависит от этого, то его работа станет отчасти и твоим делом. Готова ли ты смириться с подобной ситуацией и помогать ему?

Если со временем ты почувствуешь, что ведения хозяйства и помощи Джиму для тебя недостаточно, сможешь ли ты заняться или увлечься чем-то другим? И как отнесется к этому Джим? Зачастую к увлечениям ревнуют больше, чем к людям.

Надеюсь, ты не подумаешь, что я отговариваю тебя. Твой брак с Джимом имеет немало шансов на успех. Джим — настоящий мужчина, а это уже многое значит и очень важно для успешного брака...

Отвечать на мои вопросы не обязательно.

С любовью, Джон

(Помолвка не состоялась)

Питеру Бенчли (сын друга Дж. Стейнбека. — В. П.)
Сэг-Харбор

1956 г.

Пишущий человек вынужден максимально вкладывать в произведение свои знания и чувства. Дисциплина положенного на бумагу слова наказывает как глупость, так и нечестность. Писатель живет в благоговейном страхе перед словами, ибо слова могут быть жестокими или добрыми и могут прямо на глазах менять свое значение. Они вбирают ароматы и запахи, как масло в холодильнике. Конечно, есть недобросовестные писатели, которым удается некоторое время продержаться, но недолго, очень недолго.

Писатель в силу своего одиночества пытается установить связь, подобно посылающей сигналы далекой звезде. Он не уверяет, не поучает, не приказывает. Скорее, он пытается установить отношения, основанные на смысле, чувстве, наблюдении. Мы — одинокие животные. И всю жизнь мы стремимся не быть такими одинокими. Один из наших древнейших способов — это рассказать историю в надежде, что слушатель скажет или почувствует: «Да, так оно и есть, или по крайней мере так чувствую и я. Ты не такой одинокий, как тебе казалось».

Как трудно писать — ясно. Только дурак преднамеренно наводит туман.

Конечно же, писатель перекраивает жизнь, сокращает временные интервалы, заостряет события и придумывает начала, кульминации, концовки. У нас тоже есть занавес. Для суток — утро, полдень и ночь, для человека — рождение, зрелость и смерть. Но это лишь моменты поднятия и опускания занавеса. Повествование же продолжается, и ничто не кончается.

Окончание работы над новой вещью грустно для писателя, это своего рода малая смерть. Он дописывает последнее слово — и все. Но, по существу это не так. Повествование продолжается и оставляет писателя позади, ибо рассказы никогда не кончаются.

Джеймсу С. Попу³⁸
Сэг-Харбор

16 мая 1956 г.

Дорогой Джим!

Элейн уехала дня на два в город... Оставшись один, я разгулялся вовсю и сегодня написал двадцать пять страниц диалога. Все равно весь день лил дождь. Сегодня получил письмо от Алисы (Алиса Паттерсон, издатель газеты «Ньюсдей») с вырезкой интервью Уильяма Фолкнера, от которого меня чуть не вывернуло. Когда наши авторы пускаются разглагольствовать о художнике слова, имея в виду самих себя, то мне хочется сменить профессию. Не знаю, виновата ли в этом Нобелевская премия, но если так, то слава богу, что меня такая честь миновала. Похоже, они действительно начинают жить своей славой, отгородившись от всего и замкнувшись. Простое человеческое общение им недоступно. Билл (уменьшительное от Уильяма. — В. П.) заявил, что читал только Гомера и Сервантеса и никогда не читал своих современников.

И тут же, отвечая на очередной вопрос, он украл целый абзац из статьи, которую я восемь месяцев назад написал для «Сатердей ревью». Черт подери! Он лучше Гомера. Гомер не умел ни читать, ни писать, да к тому же старик был слеп. Сервантес был нищим — Биллу же это не угрожает, во всяком случае, пока он может отправиться в Голливуд и состряпать такую вещь, как «Египтянин»³⁹. Художник слова!..

Безусловно, он хороший писатель, но все это звучит чертовски фальшиво. Ну вот, кажется, я излил всю свою раздражительность. Элейн осудила бы меня за эти слова. Будет знать, как оставлять меня одного.

Уже поздно, но спать не хочется, так что я могу заодно написать для тебя речь по случаю вручения дипломов в университете. Почему бы нет! Конечно, доведись мне произносить эту речь, я бы лучше себе глотку перерезал.

Представляю тебя сидящим в первом ряду, облаченным в великолепное университетское одеяние. Довольно жарко, и ты весь взмок под этой попоной. Тебе все время кажется, что кисточка на твоей академической шапочке — это муха, и всякий раз, когда она мелькает у тебя перед глазами, ты пытаешься ее прихлопнуть. Ты совершенно нехотят напялили нейлоновые подштанники, и от них все тело зудит.

И вот ты слышишь, как президент торжественно произносит: «А сейчас я имею честь представить вам нашего почетного гостя Уильяма Д. Попа, который любезно согласился выступить перед вами».

Поднимаясь, ты, ерзая на стуле, пытаешься подтянуть подштанники, но безуспешно. «Черт с ними», — думаешь ты и пробуешь извлечь тезисы из-под этой сбруи, но убеждаешься, что для этого тебе пришлось бы закинуть на голову все юбки. Что же делать? Ты выходишь на сцену и произносишь речь, которую я сейчас напишу

Речь Джеймса С. Бишопа⁴⁰ по случаю вручения дипломов в университете.

«Президент Онассис, — начинаешь ты. — Уважаемые члены правления, преподаватели, без чьего заботливого участия сегодняшний праздник не состоялся бы (смех), дамы и господа.

(А теперь сделай глубокий и последний вдох, потому что пыл и жар твоей речи не дадут тебе перевести дыхание).

Полагаю, вы думаете, я произнесу здесь одну из речей типа: «Сегодня вы вступаете на широкую дорогу жизни». (Смех и крики: «Давай, давай».)

Что же, вы не ошиблись. Вы действительно выходите в мир — полный страха, невротического, хаотичный мир. И уж там никто вам не поможет, потому что живущие в нем находятся в худшем положении, чем вы, ведь они пробыли в нем дольше вас, и большинство из них полностью отчаялись.

Да, мои юные друзья, очень скоро вы, полные бодрости и оптимизма, окажетесь в джунглях, причем в джунглях, где все животные безумны. Вы вступаете из поры детских шалостей прямо в пору старческого бездействия, даже не познав здоровых развлечений. Здоровые развлечения требуют энергии, а в наше время вся энергия уходит на борьбу со страхом. Такая борьба требует огромных усилий. А оставшиеся силы потребуются вам для жизни в кроличьих норах ненависти и боязни, дабы поменьше задумываться о происходящем. Богатые ненавидят бедных и налоги. Молодежь боится призыва в армию. Демократы ненавидят республиканцев, а те и другие боятся русских. Дети стреляют в родителей, а родители топят детей, когда полагают, что это сойдет им с рук. Все живут только сегодняшним днем, потому что ни у кого нет уверенности в дне завтрашнем. По всеобщему признанию, война в наши дни не только проигрышна, но и самоубийственна, и все же мы думаем о войне, готовимся к ней, разрабатываем ее стратегию и обкрадываем народы до последнего пени, чтобы производить оружие которое, мы знаем, уничтожит нас. Генералы спорят с министрами о том, сколько оружия есть у «них» и сколько есть у нас, и можем ли мы вести войну, которая означает конец для всех.

А тем временем не хватает денег на дамбы и школы, дороги и дома... Вот в какой мир вступаете вы. Вступаете? Черта с два, вы уже давно живете в нем. Дабы ни о чем не думать, вам приходится выкладываться до последнего. Кое-кто у нас ненавидит негров, кое-кто ненавидит тех, кто ненавидит негров, а в общем-то это одно и то же —

все, что угодно, лишь бы ни над чем не задумываться. Делайте деньги! Гробьте свою жизнь на то, чтобы избежать налогов, налогов на шестьдесят миллиардов долларов для производства оружия для войны, которая невысказана.

Посмотрим правде в глаза. Война и слухи о надвигающейся войне нужны нам, чтобы ни о чем не думать. Но если вы всю жизнь трудились, и вам везет, и у вас хороший налоговый чиновник, то, когда вам перевалит за пятьдесят, вы, если позволит сердце и ваша едва волоочащая ноги жена, еще способны будете выдержать утомительное и скучное — зато в каюте первого класса — путешествие, отправитесь в Европу, дабы взглянуть на работы умерших людей, которые не боялись. Но вы все равно ничего не увидите. Вам будет невтерпёж поскорее вернуться домой к своим проблемам. Вам захочется доставить домой вашу воспаленную предстательную железу до начала тромбоза. Сердечный приступ — единственное развлечение, на которое вы можете рассчитывать в будущем. И пока вы будете осматривать Акрополь в Афинах и не заметите Парфенон, вы пропустите два убийства и тошнотворный бракоразводный процесс людей, которых вы не знаете, да и никогда не узнаете, но пропустить такое вам будет ужасно обидно.

Вот и вся ваша жизнь, мои дорогие, да и то, если вам удастся избежать рака или авиа- и автомобильных катастроф. Ваша жизнь! Любовь? Случайная нервная связь под хмельком. Искусство? Затаенное желание покончить с клубом «Лучшая книга месяца»⁴¹. Спорт? Бутылка пива у телевизора. Амбиции? Каждый год новый автомобиль. Работа? Местечко в управленческой цепочке корпорации. Религия? Негласная сделка с божеством, в которое вы не верите. и место на общей передней скамье в церкви. Дети? Возможно, психиатру удастся уберечь их от тюрьмы.

Что? Надоел я вам, непоседливые сукины дети? Отрываю от скучных развлечений? А вы, г-н президент, у вас уже слюнки текут при мысли о ростбифе с кровью? Господа члены правления, должно быть, мечтают добраться до писсуара? А вы, профессора, поди, затеваете очередное академическое надувательство по отношению к университетскому братству?

А теперь, безнадежно вздыхаете вы, он перейдет к научной лекции. И вы правы, но это последний раз, когда вы окажетесь правы.

Ваши профессора перегрызутся, споря о том, сколько тысячелетий тому назад человек взял в руки огонь и обжегся, и снова поднял его, и сгорел лес, а человек принес огонь домой, и он сжег его жилище, а человек бросил огонь на груды костей и научился готовить, а потом он нашел в золе костра блестящий кусочек металла и какое-то время носил его на себе, а потом выковал из него лезвие ножа. Прошли сотни тысяч лет, прежде чем человек приспособился к огню. Само понятие «огонь» так пугало его, что он избегал даже думать о нем. Челю

век называл огонь богом или достоянием богов и постепенно, спустя сотни тысяч лет, с трудом выработал набор правил и методов обращения с ним. Наконец он полюбил огонь, и огонь стал владыкой его очага, центром его существования, символом его свободы и безопасности. Огонь согрел больше людей, чем обжег, и тогда человек постепенно изучил это продолжение самого себя, эту силу, и понял тайну огня. Но так было в конце, а не в начале. А в промежутке, должно быть, немало было и таких, кто, видя, как горит лес, вопил, что нечистая сила спалит весь мир.

Хотите знать, что с вами происходит? Ни негры, ни демократы, ни русские здесь ни при чем. Квантовая теория поколебала ваши представления о порядке, и вы вовсе перестали задумываться над ним. Расширяющаяся вселенная взорвала вашу гомоцентрическую галактику, а затем расщепляемый атом разнес в клочья остатки вашего миропредставления. Впервые в вашем распоряжении неограниченные возможности и неограниченное будущее — великая драма магии и алхимии. Но радует ли вас это? Нет. Вы пресмыкаетесь перед психоаналитиком, пытаетесь выяснить, что с вами происходит.

Не правда ли, как было бы прекрасно, если бы вы смогли взглянуть на окружающий вас мир и заявить во всеуслышание: «Да, так было когда-то, но теперь все иначе. Нам нужно выработать новые принципы в отношении того и другого. Нам нужно распрощаться с дорогой нашему сердцу идеей о войне, которая, возможно, когда-то могла помочь достижению какой-то цели, должны отказаться от ненависти, некогда питавшей нас».

Но вы этого не сделаете. Пройдут поколения, прежде чем все это дойдет до вас. Жаль, но вам не дано встретить самое удивительное время в истории человечества с надеждой, а не с отчаянием».

Сказав это, ты холодно раскланиваешься и пытаешься уйти подбру-поздорову. Зал молчит, а потом, пробираясь между рядами, ты слышишь шепот в спину: «Старая калоша. Что он себе позволяет? Негры ему по душе! Вы слышали, он заявил, что коммунисты не опасны? Должно быть, он сам из них».

Что скажешь? Мне речь нравится! Я бы и сам произнес ее... С вертолета! Но ты можешь ею воспользоваться. И пригласи меня послушать. Я прикрою твой отход и прихвачу еще пару парней.

О, Элейн будет в ярости!

Твой Джон

*Деннису Мерфи*⁴²
Сэг-Харбор

21 сентября 1956 г.

Дорогой Деннис, мне жаль, что ты повздорил с отцом. Но исходя из моего опыта, а я все-таки преодолел какую-то часть выбранного тобой пути, тебе остается только одно. Ты должен закончить эту книгу, а потом ты должен закончить другую. Если хоть что-нибудь, исключая твою смерть, остановит тебя — небольшие перерывы не в счет, — значит, ты не писатель, и тогда говорить вообще не о чем. Конечно, ты не можешь не скулить, не жаловаться, не драться и не огрызаться, но самое главное для тебя — закончить работу. И если в процессе ты причинишь кому-то боль, то это не твоя вина.

Только ни на секунду не думай, что тебе простится твоя «несхожесть» с другими. Никогда! Мне не простилось до сих пор. Лишь тогда меня сочтут «безопасным», когда уложат в сосновый ящик. После того, как я написал «Гроздь гнева» и книга широко читалась, а порой и сжигалась, библиотекарь общественной библиотеки в Салинасе, знавший моих стариков, заявил, что им повезло, что они не дожили до такого позора. Я пишу тебе об этом, чтобы ты знал, что тебя ждет.

А теперь за работу.

Твой Дж. С.

Паскалю Ковичи
Флоренция

16 мая 1957 г.

Дорогой Пат!

Наконец наступила весна. Поздняя весна. Дожди кончились, и ослепительно, до боли ослепительно сияет солнце, и утром, выглянув на улицу, невольно глотаешь воздух, как бывает, когда получаешь быстрый и резкий удар. Сегодня во второй половине дня я долго прохаживался по берегу Арно и старался представить себе, как выглядело все в те времена⁴³. Теперь я знаю. Я знаю, что носили люди тогда и, в известной мере, даже о чем они думали...

Спасибо за письмо Аткинсона⁴⁴, которое ты мне переслал. Я уже ответил на него⁴⁵.

Я глубоко убежден, что писатели вроде меня, а также актеры

и художники находятся в сложном положении из-за собственной трусости или равнодушия. Когда Арти сказал мне, что ни один из писателей не выступил в его защиту, это вызвало у меня щемящее чувство горечи и стыда. Ведь и сам я долго не мог решиться. Мне кажется, что если бы мы с самого начала не прятались в кусты, а пытались бороться, то сейчас подобное не могло бы случиться. Эти господа из комиссии не отличаются ни храбростью, ни умом. Они не посмели бы поднять руку на единый сопротивляющийся организм. Зато они смело преследуют трусливых зайцев. А кто же мы, если не зайцы? Маккарти (сенатор Джозеф Маккарти) вынужден был уйти вовсе не потому, что против него выступил Эйзенхауэр. Это ложь. Эйзенхауэр сам боялся его. Достаточно было одному смельчаку, журналисту Эду Мюрроу выступить против него, и всем стало ясно, что сенатор не так уж силен. Арти страдает за всех нас. Пожалуйста, передай ему мое уважение и более того — мою любовь. У нас в руках было самое грозное оружие — слово, но мы им не воспользовались, и по крайней мере мне стыдно. Не думаю, что я испугался, но, говоря правду, мне было все равно.

Во Флоренции останусь еще два дня. Я пробыл здесь довольно долго. Возможно слишком много работал, но с толком.

Передай всем мою любовь, Джон

*Эдлаю Стивенсону*⁴⁶
Нью-Йорк

5 ноября 1959 г.

Дорогой Эдлай,

Только что вернулся из Камелота⁴⁷ и сразу же взялся за газеты. И, пожалуй, напрасно. Два свежих впечатления по возвращении: во-первых, ползучий, вездесущий, ядовитый газ безнравственности, охвативший все — от детских садов до самых высокопоставленных штаб-квартир, как корпоративных, так и правительственных. Во-вторых, нервозность, голод, жажда, стремление к чему-то неизвестному — возможно, к нравственности. К тому же еще насилие, жестокость и лицемерие, свойственные пресыщенным людям, и, наконец, мрачная брюзгливость, как правило, характерная для людей запуганных. Эдлай, ты, конечно, помнишь, что рождество рождеству рознь? Например, рождественский подарок в доме, где недостаток невелик, символизирует не только любовь, но и пожертвование. Единственный сверток разворачивают с затаенным трепетом, даже благоговением.

Однажды на рождество я подарил своему младшему сыну, обожающему все живое, крошечного, похожего на персик попугая. Он осторожно снял обертку с клетки, смущенный отошел назад и долго смотрел на птицу. Наконец он сказал шепотом: «Кто бы мог подумать, что у меня будет такой попугайчик?»

Но бывает и другое рождество, когда наваленные грудой подарки напоминают подношения испытывающих чувство вины родителей, которым нечего больше дать ребенку. Свертки моментально вскрываются, и подарки сваливаются в кучу, и под конец ребенок спрашивает: «Это все?»

Что ж, мне кажется, что современная Америка похожа на это второе рождество. Пресытившись ценностями материальными, мы беспокойно рыщем в поисках ценностей духовных. Странные мы существа. Мы можем преодолеть любые испытания, посылаемые нам богом и природой, кроме достатка. Если бы мне пришлось в голову погубить нацию, я дал бы ей слишком много всего, и вскоре она ползала бы на коленях — жалкая, алчная и психически неполноценная...

Уезжая из Англии, я должен был отметить у полицейского по имени Аррис, который один, без оружия, располагая только велосипедом, поддерживал мир и порядок в пяти поселках. Он был очень внимателен к нам. Я подарил ему бутылку пшеничного виски и при этом счел нужным сказать: «Это вам к рождеству, господин офицер, и не сочтите это за взятку, потому что мне от вас ничего не нужно, да к тому же я уезжаю». Он покраснел и сказал: «Спасибо, сэр, но право, не стоило».

Я хотел бы повидаться с тобой, когда у тебя будет время. Я с таким удовольствием вспоминаю нашу встречу в Камелоте. Не правда ли, волшебница Элейн подала прекрасную лососину? Но в следующий раз никакого табу на политические темы. Кто-то же должен пересмотреть нашу систему, и как можно скорее. Как можем мы вырастить наших детей чистыми и честными, когда власти города, штата, наше правительство, корпорации — все предлагают наивысшие вознаграждения за крючкотворство и мошенничество? На всех уровнях фальшь, Эдлай! Возможно, ничего не изменишь, но я достаточно глуп и наивен, чтобы хотеть попытаться. А ты?

Твой Джон

Джеймсу С. Попу
Нью-Йорк

28 марта 1960 г.

Дорогой Джим,

Письмо это, чтобы убить время, а потому, если хватит у тебя мудрости, а я знаю, что хватит, не воспринимай его слишком серьезно. О здоровье твоём я справлюсь попозже, что доказывает мое бескорыстие. Будь это не так, озабоченность твоим здоровьем прозвучала бы с первых же строк моего письма. Во всяком случае, таким приемом не без успеха пользуются мои сыновья.

Похоже, я примкнул к твоей школе политической мысли — школе, которую я бы назвал школой старых ворчунов, и мне не терпится посидеть у ног учителя. Нынешний печальный парад кандидатур (в президенты США.— В. П.) смешон, если не сказать отвратителен. (Не хочешь ли ты подвинуться и позволить мне занять место рядышком с тобой на скамье?) Возможно, страна знала и худшие времена, но я могу сравнить их либо с зимой под Вэлли Фордж⁴⁸, либо с забываемыми днями правления Уоррена Гардинга⁴⁹... Возня в Вашингтоне напоминает кошачий сортир в Риме. И дело не в том, что правительство цинично — я искренне убежден, что иначе и быть не может. А демократы! Господи, демократы делят шкуру неубитого медведя — ни выдержки, ни идей, ни плана, ни платформы. Если бы у меня хватило здравого смысла, я бы уехал в Европу, а здесь все пусть идет прахом. Я никогда не осуждал крыс, бегущих с тонущего корабля. Должно быть, в противном случае это были бы глупые крысы?

Я уже написал половину книги («Зима тревоги нашей»), работа продвигается превосходно, и я не прерву ее ни за что на свете, хотя, конечно, остаются ранние утренние часы, когда мужская доблесть в значительной степени сводится к сварливости.

Не набросили ли тебе на плечи еще какую-нибудь мантию? Я на днях отказался от очередного почетного диплома, как обычно, банально сославшись на то, что, не получив законного университетского диплома, неловко как-то получать диплом ненастоящий. Это последний оплот моей непорочности. Это да еще то, что я никогда не имел дело с телевидением. Правда, однажды я жестоко попался на одну из премий. Несколькими годами назад, когда я отчаянно сопротивлялся нищете, союз литераторов Сан-Франциско наградил меня золотой медалью за книгу. Медаль была приличного размера, и я полагал, что если ее переплавить, то даже несмотря на примеси других металлов, ее золото потянет долларов на пятьдесят. Я искренне обрадовался

медали и отложил ее на черный день, так как на эту сумму можно было купить примерно четыре стофунтовых мешка бобов и достаточно мяса к ним, чтобы прожить безголодно месяцев шесть. Медаль по-настоящему грела мне душу, создавая ощущение уверенности, какого я давненько не испытывал. Что ж, день настал, и я отнес мою медаль к ювелиру, чтобы превратить ее в наличные и соответственно в бобы. И ювелир сказал мне, что даже если бы ему удалось соскоблить всю позолоту, то и тогда она не стоила бы больше тридцати центов. С тех пор я с подозрением отношусь к наградам, если это не наличные деньги небольшими купюрами или не чеки.

Но почетные дипломы еще хуже. Почетный диплом означает, что тебя уже больше никто не боится. Конечно, нельзя бить по руке, надевающей тебе на голову академическую шапочку. Беда моя в том, что я еще не превратился в старую калошу, умиленно взвращающую на похоронные приготовления. Я еще достаточно ядовит и буду сопротивляться переводу в классики до самой могилы — впрочем, попав в нее, я автоматически перестану быть оным.

Напиши мне, Джим. Приятно было бы сознавать, что где то кому-то есть — или нет — до тебя дело.

Твой Джон

*Элейн Стейнбек
в пути*

30 сентября 1960 г.

Старушка, сегодня я устроился на ночлег рано — около четырех часов — прямо на границе Нью-Гемпшира и Вермонта (штаты США.— В. П.). Целый день колесил по разбитым и извилистым дорогам Мэна (штат США.— В. П.) и Нью-Гемпшира, по которым вывозят лес. Так что Чарли заметил, что неплохо было бы отдохнуть пораньше. К тому же мы стали на берегу приглянувшейся ему речушки. Сегодня я не смогу тебе позвонить. Вокруг ни души. Пожалуй, на ужин я приготовлю свой знаменитый рис по-испански. Сегодня здесь все кажется не таким безнадежным, как вчера под дождем. Вчера я слишком устал, да еще рано стемнело, и я не мог найти места для ночлега, пока не притулился в этом закутке за мостом. В дождливую погоду ощущения бывают очень изменчивыми. Сегодня вечером я чувствую себя так хорошо, что, пожалуй, попозже даже выпью. Но при этом буду ощущать себя грешником. Вокруг никого, кто мог бы составить мне компанию. Ты даже не представляешь, как пустынен этот северный край. Я только слышал раньше

об этом и о том, что звери вновь возвращаются сюда. Как-то возле самой дороги мне встретились две лосихи, а сегодня я даже вынужден был остановиться из-за нежелавшей посторониться лосихи. Она ушла лишь после того, как наградила меня долгим презрительным взглядом.

Мэн напоминает огромную пустую страну, где люди некогда жили — и ушли. Вблизи городов — сплошная свалка — мили автомобильного лома...

Сегодня в Мэн вторгся Никсон и произнес свою обычную речь. Я слышал его по радио в машине. Прикидывается тихоней. Надеюсь, мне удастся узнать, что люди думают. В этих краях жители не очень разговорчивы с посторонними. Я уже писал тебе, что здесь нет баров. Я объехал все придорожные кофейные выпил галлоны скверного кофе, но они только смотрят на свои чашки и даже между собой почти не разговаривают. Такое впечатление, будто они знают мысли друг друга и им незачем произносить их вслух. Неужели так будет по всей стране? Ясно одно — они обеспокоены.

Удивительно: я всего ничего отъехал от Нью-Йорка, а кажется, словно попал на другую планету. Мэн в основном выглядит унылым и пустынным. Конечно, попадаются островки чистенького, свежеразкрашенного преуспевания и множество новых автомобилей, но в памяти остаются развалившиеся, заброшенные дома — большие дома, и все вновь зарастает лесом. Гудят лесопильные заводы — целые города с целлюлозной промышленностью и сырым запахом бродящей древесной массы. Но все они похожи на быстротечную раковую опухоль, а по окраинам наступает лес. Весьма странное зрелище. Дальше передо мной лежат обшарпанные, кишасщие заводами центры — Янгстаун, Детройт и т. д. Их не миновать. Только у меня они вызывают раздражение.

Никсон сказал: «Привет! Рад вас видеть. Похоже, для меня у вас нашлась калифорнийская погода». Мы ужасно смеялись, ведь дождь лил как из ведра. Потом он сказал, что это хорошо, когда у страны остались силы на такой ливень, и что покончить с дождем он не обещает, но что, с другой стороны, он и не для того приехал.

Я могу писать это письмо бесконечно. Вот что получается, когда останавливаешься на ночлег до того, как вымотался окончательно. Даже Чарли сбился с толку. Он решил, что пора спать, хотя еще даже солнце не село.

*Элейн Стейнбек
в пути*

1 октября 1960 г.

Дорогая, пишу тебе вскоре после нашего вечернего телефонного разговора. Должен заметить, я очень рад, что вскоре увижу тебя. Я сказал, что все увиденное пока не осознано мною, но зато есть впечатления. Например, отходы. Мы выбрасываем наши химические отходы в реки, избавляемся от испражнений, а города окружены автомобильными свалками, островами домов. Совсем как подарки в сочельник — вскрываем, коробку выбрасываем и берем следующую.

Сегодня вечером я заехал на одну из стоянок для автоприцепов. Ее хозяин — стриженный под «ежик» с квадратным подбородком офицер национальной гвардии. Я предложил ему выпить. Он не дотронулся до стакана. Я предложил ему кофе. Кофе сварила его жена. Он живет в красном автоприцепе размером примерно с наш дом, только длиннее. Я звонил тебе от него. За время моего путешествия я встречал тысячи таких автоприцепов. Люди живут в них постоянно на одном месте. Закладывают их бетонными блоками. Этот человек сказал мне, что здесь каждый четвертый новый дом — автоприцеп, сделанный из алюминия и клееной фанеры. Я спросил его, что это — нежелание вести оседлый образ жизни? Он сказал «нет». Они хотят знать, что принесет следующий год. Торгуют этими прицепами, как автомобилями. Их называют «движимыми домами» — только они недвижимы. Перевозить их по шоссе нельзя (разве что по специальному разрешению). Попадались мне прицепы даже с навесами и ставнями. Это дешевле, чем покупать дома.

Хозяин стоянки молод. Он рассорился с отцом и занялся автоприцепным бизнесом. Жена его говорит, он чему-то учится, но она не знает чему. Должно быть, он не притрагивается и к этой «чаше». Прицеп его стоит в двадцати милях от места, где он родился. Прицепный бизнес — очень важная штука. Ведь это значит, что и дом можно выбросить на свалку, как автомобиль.

Люди эти, как марсиане. Я даже чуть было не попросил их отвести меня к вождю. У них нет ни юмора, ни прошлого, а все их будущее — это новые модели прицепов. Их настоящее точь-в-точь напоминает жизнь кур, откладывающих яйца в инкубаторе. Может быть, до меня, наконец дошло. Мы живем в инкубаторе, и все, что мы производим, не лучше химикалий, которыми нас кормят. Было бы неплохо провести недельку с этим молодым человеком. Пожалуй, чтобы разговорить его, потребуется не меньше недели.

Если когда-либо мне нужна будет тема, то я напишу об этой беспокойной мобильности.

Только что я выходил полюбоваться на лунную ночь. Окно его прицепа сверкало подобно окнам кают-компаний. «Похоже на студию архитектора», — сказал я. «Это мой дом», — сказал он.

Ужасно! Дом — понятие собирательное. В доме есть крыша надежд и подвал воспоминаний. Вот что такое наш дом. Но есть и новый тип дома. Именно это он хотел сказать. Эта штука из клееной фанеры и алюминия — его «дом». Холодная сегодня ночь...

С любовью
Мерлин⁵⁰

Паскалю Ковичи
Сэг-Харбор

Июль 1961 г.

Дорогой Пат!

Еще неделя, и лето будет в самом разгаре. Конечно, здесь дует бриз, но все равно дышать трудно. Лето — далеко не самое любимое мною время года. Городок заполняют распаренные, раздражительные люди — чужаки с присущей приезжим навязчивой деликатностью. Шоссе забиты бесцельно ползущими автомобилями. Все это вряд ли прибавляет радости отпускникам, а если и прибавляет, то лишь в сравнении с их еще более скучным и бесцветным существованием. Так что я редко покидаю свой клочок земли и еще больше обычного провожу время в радостном затворничестве.

Книжница моих воспоминаний о прогулке двигается кое-как, то делает рывок вперед, то еле ковыляет. Это бесформенная, аморфная, бесцельная и даже бессмысленная книга. Именно поэтому она может стать самым что ни на есть реалистическим произведением. Ведь все окружающее аморфно и бессмысленно — мышьяная возня. Где-то должен быть скрытый смысл, если только я смогу его найти. Я имею в виду свое уже законченное путешествие. Если не считать географических и временных рамок, все увиденное мною совершенно беспорядочно. Гора не смогла родить даже мышь. Постоянно подыскиваю слово, чтобы описать разложение. Не разрушение и не взрыв, а простое гниение. Процесс этот, похоже, протекает вяло, инертно. Я не встретил никого, кто был бы за что-либо, но почти все против кого-нибудь. Негры ненавидят белых. Белые — негров. Республиканцы ненавидят демократов, хотя разницы-то между ними практически никакой.

За все путешествие мне редко приходилось встречаться с настоящей нищетой, я имею в виду щемящую сердце ужасающую нищету

тридцатых годов. Она по крайней мере была реально ощутима. Нет, я увидел болезнь, своего рода атрофию. Только желания, но никаких стремлений. И в недрах всего этого, как газы в трупе, накапливается энергия. Я содрогаюсь при мысли о том, что произойдет, когда она вырвется наружу. Мне все больше кажется, что нам не хватает трудностей, закаляющих людей, и душевных мук, делающих людей великими.

Наши трудности — это долги, наши стремления — это желание приобрести побольше материальных игрушек, наши душевные муки — это скука. Со временем страна распалась на разобщенные территории. Я пытался найти оправдание всему этому, уговаривая себя, что так видят мои стареющие глаза, так чувствует мой ослабевающий дух, так коверкает все мое искалеченное восприятие. Но это лишь часть правды. Все описанное мною действительно существует. Я ничего не выдумал. Хорошо мне отписываться шуточками и анекдотами, но разложение этим не остановить...

Паскалю Ковичи

После уик-энда, проведенного в Сэг-Харбор

Июль 1961 г.

Дорогой Пат!

...Впервые о смерти Эрнеста Хемингуэя я услышал по телефону из редакции лондонской «Дейли мейл», которая попросила меня прокомментировать его гибель. По секрету скажу, хотя нечто подобное следовало ожидать, я потрясен. У него была только одна тема — одна-единственная. Человек борется с внешними силами, именуемыми судьбой, и противопоставляет им свое мужество. Конечно, человек вправе лишиться себя собственной жизни, но ни одному из героев Хемингуэя это не свойственно. Печальнее всего, что, по-моему, самому Хемингуэю несчастный случай показался бы еще позорнее, чем самоубийство. Он был невероятно тщеславным человеком. Несчастный случай во время чистки ружья противоречил бы всему, чем он так гордился. Случайно выстрелить из дробовика себе в голову просто невозможно. Как правило, случайный выстрел получается, когда ружье падает, но при этом обычно бывает ранение в живот. Опытный человек никогда не станет заряжать ружье перед чисткой. А настоящий охотник никогда не стал бы хранить в доме заряженное ружье. У меня тоже есть дробовик, но патроны хранятся отдельно на полке. Ружья чистят, вернувшись с охоты, и перед чисткой их необходимо

разрядить. Хемингуэй презирал дилетантов. Но только дилетант мог стать жертвой такого несчастного случая. С другой стороны, как я слышал, за прошедший год или около того он сильно изменился. Уж конечно, его последнее лето в Испании и опубликованные в «Лайфе» репортажи оттуда далеки от его старой манеры письма⁵¹. Говорили, он перенес несколько ударов. Тогда понятно, с чего все эти перемены.

Но тем не менее он оказал самое сильное влияние на литературу — сильнее, чем кто-либо из живущих писателей. Он прожил странную жизнь. Все время пытался доказать что-то. А доказываем мы, как правило, лишь то, в чем не очень уверены. Он был любимцем критики, потому что никогда не изменял своему стилю, теме или сюжету. Никогда не экспериментировал в философском или эмоциональном отношении. Чем-то он напоминает Капу⁵² — создал некое идеальное представление о себе и пытался ему соответствовать. Я опечален его смертью. Мы не были хорошо знакомы, встречались всего несколько раз, и он всегда был приветлив и любезен, хотя мне рассказывали, что приватно он пренебрежительно отзывался о моих произведениях. Впрочем, он считал других живущих писателей не современниками, а соперниками. Его по-настоящему заботила проблема бессмертия его работ, словно он в этом сомневался. Можно не сомневаться — он этого добился.

Мне очень интересно другое. В течение ряда лет он говорил о некой большой книге и даже нескольких книгах, которые он написал и отложил для публикации в будущем. Я никогда не верил в существование этих книг и буду очень удивлен, если они все-таки есть. Первым порывом писателя является желание дать кому-нибудь прочесть свою работу. Конечно, возможно, я ошибаюсь, и он исключение. Для лондонской газеты я приготовил две строчки, принадлежащие автору, который лучше любого из нас. Утром, когда они позвонят, Элейн продиктует им следующее: «Он человек был, человек во всем. Ему подобных мне уже не встретить»⁵³.

Поскольку его звали Папа — строчки эти вдвойне уместны.

На сегодня все. Я встал в пять утра. Пора приниматься за работу.

Поработал на славу и написал приличный кусок. Можно отправлять письмо.

Прозит,
Джон

Элизабет Отис
Москва.

18 октября 1963 г.

Дорогая Элизабет!

Едва хватает времени даже на то, чтобы спать. Неделя, как мы уехали из Лондона, а кажется, с тех пор прошел не один месяц. В Хельсинки нам составили такую программу, что мы едва остались живы. Можешь ты себе представить встречу с 900 продавцами книг да еще в девять утра в воскресенье? Что ж, мы это пережили... Из Хельсинки мы отправились в Москву, где нас встретили старые друзья. И здесь программа довольно плотная, но я попросил, чтобы нам дали возможность перевести дух... Сегодня едем в издательство, и я получу гонорар. Здесь вышло несколько моих книг. «Зима тревоги нашей» пользовалась большим успехом, а теперь переводится даже «Чарли» («Путешествие с Чарли в поисках Америки.— В. П.)... В понедельник отправляемся в Киев, а затем в Тбилиси...

Москва очень изменилась. Мили новых жилых кварталов, протянувшихся почти до бесконечности, и поскольку земля принадлежит государству, то вокруг домов просторно и много скверов. По сравнению с нашей первой поездкой (летом 1947 г.— В. П.) люди одеты намного лучше и не выглядят усталыми. Практически я не встречал усталых лиц. Похоже, устал только я один.

Все очень добры к нам... Как и следовало ожидать, Элейн пользуется огромным успехом и за ней все ухаживают. Я практически ничего не пишу, но должен тебе сказать, что повсюду вполне определенно ощущается настроение подъема... Пожалуйста, передай Энни Лори, что скоро в Московском Художественном театре начнутся репетиции сценического варианта «Зимы». Было бы здорово сделать перевод и попробовать поставить эту пьесу в Нью-Йорке. Должно быть, это вызвало бы шок, не правда ли?

Машина за нами еще не пришла, и потому я продолжаю письмо. Что действительно хорошо, так это то, что активная деятельность здесь начинается не раньше двенадцати. Финны поднимали нас в 8 утра...

15 января 1964 г.

Дорогие друзья!

Когда мы улетали от вас на север, я, находясь в состоянии благородного заблуждения, намеревался написать отдельно каждому, чье участие сделало наше пребывание у вас незабываемым. Признавая, что я не в состоянии сделать этого, я тем не менее не испытываю угрызений совести. На это бы ушел остаток моей жизни, но и тогда я не смог бы написать всем. Да и как написать всем, с кем я обменивался рукопожатиями, кому смотрел в глаза, за чье здоровье пил? Оказавшись не в состоянии выполнить свое намерение, я, испытывая некоторое смущение, адресую свое письмо всем жителям Тбилиси — певцам, писателям, флейтистам, всем, кто о нас заботился, кто доставил нам радость, кто слушал нас и беседовал с нами, и всем, да, это так — кто спорил с нами. Споры наши тоже были интересными.

Я адресую это письмо хорошеньким девушкам, прохаживавшимся по улицам, и благородному старику, создавшему фантастический сад, и мужчинам, добывающим эликсир жизни из винограда, и хранителям винных погребов, извлекавших для нас из глубины бочонков выдержанное вино. Я адресую это письмо товарищам по застолью, которые пели народные песни и, поднимая бокалы, произносили в нашу честь такие хвалебные тосты, что нам очень хотелось бы поверить, что мы и на самом деле столь хороши и прекрасны.

Итак, я адресую это письмо всему городу с его высокими утесами, опоясанными соснами, и журчащей реке, разделяющей два мира, и ясным, четким очертаниям предгорья, за которым поднимаются обрамляющие край земли горы. Я адресую это письмо ненавязчивому, неизменному созвучию всего древнего и нового в Тбилиси, где простой народ, много повидавший за свою историю, видит новый, созданный им самим мир. Стоит ли удивляться тому, что самый большой урожай в Грузии собирают на ниве поэзии?

Я знаю историю и предысторию этих врат между двумя мирами, привлекавших всякого рода хищников, которые алчно пожирали глазами плодородные земли или стремились захлопнуть врата и закрыть проход.

Мне кажется, и это мое страстное желание, что со временем история загоняет хищников в клетки, а ворота во всем мире открываются. Это мое самое заветное желание и, если бы я мог сам выбирать себе призвание, то лучшего и желать нельзя — загонять в клетки хищников и распахивать двери.

Возможно, я многое опустил в своем письме, но нужно заметить, что до сих пор мне не доводилось писать письмо целому городу.

В мою память прочно, как релей на брюхе овцы, запали воспоминания о легкости, веселье, доброте и защищающей их силе, и все это на фоне солнечного города и бормочущей реки, протекающей через врата мира. Прошу вас, не закрывайте их никогда.

Ваш Джон Стейнбек

*Союзу писателей Киева
Нью-Йорк*

15 января 1964 г.

Дорогие друзья!

Я адресую это письмо через Союз писателей всем моим старым и новым друзьям на Украине. Старые, закаленные воины, с которыми я познакомился еще тогда, когда Киев лежал в руинах, хорошо знают, с каким большим уважением я отношусь к ним. Но обращаюсь также и к молодым людям, которые выросли и окрепли вместе с возвращавшим свое бывшее величие городом. Я хочу поблагодарить их за то, что они встретились со мной и моей женой и оказали нам радушный прием.

Мне было очень приятно узнать, что меня помнят в Киеве, но, поверьте, это не вскружило мне голову. Просто я испытал приятное чувство, какое бывает, когда возвращаешься домой.

Я хочу сказать своим друзьям, что, хотя мы и расходились во мнениях, спорили и даже бранились по пустякам, в главном у нас не было расхождений. Наконец, я хочу, чтобы вы верили, что я не соглашался с вами открыто при вас, отвечая на ваши вопросы. Я презираю гостей, ублажающих хозяев с тем, чтобы, уйдя, поносить их.

Я хорошо запомнил и расскажу своему народу о вашей доброте, обходительности и гостеприимстве. А это уже немало.

Ваш Джон Стейнбек

*Джону Мерфи*⁵⁴
Сэг-Харбор

12 июня 1961 г.

Дорогой Джон!

Всю свою жизнь я стремился написать одну книгу, и я до сих пор не приступил к ней. Все остальное лишь подготовка к этой книге. Помнишь ли ты легенду о короле Артуре настолько, чтобы понять, какие символы олицетворяли собой Ланселот и его сын Галахад? Видишь ли, Ланселот был далек от совершенства, а потому он так и не нашел чашу Грааля⁵⁵. То же происходит с нами. Святой Грааль всегда остается предметом вождения каждого нового поколения. Но все мы верим в существование своего Грааля, а потому рожаем сыновей, которые дадут жизнь своим сыновьям, которым, возможно, удастся найти свою чашу. Это самые глубокие из известных мне символов.

Слова, положенные на бумагу, — это всего лишь заключительный этап процесса. Может так случиться, что слова моей книги никогда не лягут на бумагу, но именно для этого я работал и учился целых сорок лет. Остался завершающий этап процесса, и он пугает меня до ужаса. Стоит только начать писать, и ты тотчас остаешься один на один с собой и своим обязательством. Пути назад нет, как после передачи дела в суд, когда отрекаться уже поздно. Вот когда начинается настоящее одиночество. Девять десятых жизни писателя проходит без всякого общения, когда нет места ни для друзей, ни для коллег. И пока писатель не примирится с одиночеством, не научится воспринимать его как неотъемлемую часть его профессии, подобно тому как обет безбрачия является неотъемлемой частью жизни жреца, до тех пор он будет испытывать приступы страха. Я испытываю такой же страх перед предстоящей книгой, как это было, когда я впервые сел за чистый лист бумаги. Работа легче не становится. Пишется все труднее, и отчаяние подступает все чаще, а в итоге ты должен смириться с поражением, которое поджидает каждого писателя в конце его жизни, независимо бы того, каким успехом пользовались его книги. Сам себе он должен признаться в поражении, подобно Ланселоту, ибо Грааль это не просто чаша. Это ускользающая от нас надежда, это пряник на кончике хлыста, и он не перестает увлекать нас вперед. Вот почему я предпочел бы умереть на середине фразы, на половине книги, чтобы все осталось незаконченным, как не кончается сама жизнь. Таков закон. Великий закон. Известность, слава и даже общественное признание не имеют значения. Великий человек не ощущает своего величия. И более того: чем сильнее он стремится к величию, тем дальше оно от него ускользает.

Твой Джон

КОММЕНТАРИИ

1. Друг Дж. Стейнбека по Станфордскому университету. В 1925 г. Э. Миллер — «Тед» был начинающим юристом. Поскольку в этот период профессиональные литературные агенты не интересовались работами Стейнбека, Э. Миллер предложил ему свои услуги. Первый роман Стейнбека «Чаша господня» был опубликован лишь четыре года спустя, в 1929 году.
2. Американский литератор, друг Дж. Стейнбека, с которым он познакомился, когда арендовал дом в Игл Рок (шт. Калифорния).
3. Стейнбек имеет в виду новеллы, объединенные впоследствии под общим названием «Райские пастбища» (1932 г.).
4. Денежная премия, присуждаемая за литературные произведения в Калифорнии.
5. Шеффилд, Карлтон — друг Дж. Стейнбека по колледжу. В своих письмах Стейнбек нередко называл его «Дюк», «Дук», «Джак» или «Джук».
6. Работая, Стейнбек часто прибегал к записям в журнале который называл «дневником» или «рабочей книгой». Иногда он записывал в журнал само произведение, иногда дневниковые записи.
7. Стейнбек направил К. Шеффилду только что законченную рукопись романа «Неведомому богу». Роман был опубликован в 1933 году.
8. Исследователь творчества Стейнбека Роберт Уоллстен отмечал, что, работая, Стейнбек писал не для безликой обобщенной аудитории, а как бы обращался к одному выбранному им читателю. Здесь впервые Стейнбек открыто говорит о своем излюбленном литературном приеме.
9. Изложенные в данном письме умозаключения по оценке самого Стейнбека и исследователя его творчества Роберта Уоллстена сыграли важную роль в творчестве писателя. Влияние впервые высказанной им здесь «теории фаланг» или «групп» можно найти в целом ряде произведений писателя, от посвященного стачке сельскохозяй-

ственных рабочих романа «В схватке с сомнительным исходом» (1936) до принесшего ему мировую известность романа «Гроздь гнева» (1939). Очевидна связь этой «теории» и с «нетелеологическим мышлением», которое Стейнбек изложил в книге «Море Кортеса» (1941), написанной по результатам его наблюдений за жизнью обитателей моря и их борьбой за существование.

10. Аттила (? — 453) — предводитель гуннов с 434 г. При Атилле гуннские племена достигли наибольшего могущества.

11. Юнг, Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и философ-индивидуалист, основатель «аналитической психологии».

12. Американский литератор, соученик Стейнбека по колледжу.

13. В первых романах Дж. Стейнбека — «Чаша господня», 1929 г.; «Неведомому богу», 1933 г., цикле рассказов «Райские пастбища», 1932 г.— преобладала мистическая концепция. Человек в этих произведениях Стейнбека являлся игрушкой в руках всеильной природы.

14. Буало, Никола (1636—1711) — французский поэт, теоретик классицизма.

15. Менкен, Генри (1880—1956) — американский критик, противник «массовой культуры» (в том числе эпигонского романтизма и «массового» реализма). Выступал в защиту реалистического творчества Т. Драйзера и С. Льюиса.

16. Ходден, Энн — библиотекарь публичной библиотеки в Пало-Альто, шт. Калифорния. Она знала Дж. Стейнбека с мальчишеских лет.

17. Откликнувшись на просьбу Дж. Стейнбека, Энн Ходден отправила в совет по присуждению премии положительный отзыв о его литературной работе. Однако совет отказал Стейнбеку.

18. Литературный агент Дж. Стейнбека. Еще в 1931 г. Стейнбек впервые обратился к услугам литературного агентства, принадлежавшего Мейвис Макинтош и Элизабет Отис. С тех пор связь Стейнбека с этими литературными агентами не прерывалась практически до последних дней его жизни — почти 40 лет. За этот период Стейнбек написал им свыше 600 писем.

19. Роман «В схватке с сомнительным исходом» (1936). В основу романа положена история стачки сельскохозяйственных рабочих. Несмотря на неправильное понимание Стейнбеком социальной природы и целей борьбы его героев, роман отражает переходный этап в творчестве Стейнбека, впервые обратившегося здесь к теме политической борьбы.

20. Дж. Олби, опасаясь, что калифорнийские реакционеры могут расправиться со Стейнбеком за его литературную деятельность

и публичные выступления, направил Стейнбеку письмо, в котором предупреждал об опасности.

21. Книга не только имела успех, но вскоре на сцене бродвейских театров вслед за пьесой по роману «Квартал Тортилья Флэт» с успехом прошла пьеса по роману «О мышях и людях».

22. Популярность Стейнбека в этот период и неоправданные слухи о получении им сверхгонимых привели к тому, что ему досаждали не только многочисленными просьбами выступить в том или ином клубе, подписать книги или дать взаймы денег. Одна молодая женщина, которую он знал много лет, подала на него в суд, утверждая, что Стейнбек отец ее будущего ребенка.

23. «Форчун» — американский ежемесячный журнал для деловых кругов и промышленников. Основан в 1930 году как один из дочерних журналов концерна «Тайм».

24. Надежды Стейнбека не оправдались. «Лайф» не напечатал ни его статьи, ни фотографий к ней. Лишь год спустя, уже после того, как вышел и прогремел на всю Америку роман «Гроздь гнева», в номере от 5 июня 1939 года журнал опубликовал несколько фотографий, снабдив их короткими подписями Стейнбека.

25. Название романа «Гроздь гнева» взято из стихотворения американской поэтессы Джулии Уорд Хау (1819—1910) «Боевой гимн республики», опубликованного в 1862 году и ставшего маршевой песней армии северян. По замыслу Дж. Стейнбека подобная ассоциация подчеркивала преемственность описанной в романе борьбы за социальную справедливость и лучших революционных традиций американского народа.

26. В 1940 году Стейнбек несколько раз выезжал в Мексику, где с группой американских кинематографистов участвовал в съемках небольшого фильма о жизни индейской деревни «Забятая деревня». Стейнбек являлся автором текста к фильму. Именно в этот период он познакомился с профессиональной певицей Гвендолин Конгер, бывшей с 1943 по 1948 г. его женой.

27. Годдар, Полетт (3.VI.1911 г., Нью-Йорк) — американская актриса. Снималась в ряде известных фильмов Чарли Чаплина — в 1936 г. в фильме «Новые времена», в 1940 г. в фильме «Великий диктатор».

28. Стейнбек имеет в виду лабораторию своего старого друга биолога Эда Рикеттса, совместно с которым была написана повесть «Море Кортеса»; в ней Стейнбек сравнивал человечество с увиденной им в море колонией кораллов и проводил аналогию между социальными и биологическими законами.

29. Стрит Ф. Узбстер, старый друг Стейнбека, адвокат, который вел его личные дела. В этот период Стрит жил в Калифорнии в доме Стейнбека.

30. 7 декабря 1941 года Япония внезапно напала на американские военно-морские базы в Пёрл-Харборе.

31. «Луна зашла» — пьеса, одно из первых произведений американской литературы, посвященных 2-й мировой войне. В 1942 г. вышла одноименная повесть.

32. После нападения Японии на американские военно-морские базы в США были арестованы и заключены в лагеря тысячи американских граждан японского происхождения.

33. В министерстве обороны, куда Стейнбек был определен в качестве вольнонаемного, он должен был писать тексты радиопередач для так называемого Управления военной информации.

34. Стейнбек имеет в виду фильм «Бомбы вниз» об экипаже бомбардировщика. В том же году была опубликована и одноименная повесть.

35. В 1947 году Стейнбек и фотограф Роберт Капа по заданию газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» совершили поездку по Советскому Союзу.

36. Американский литературный журнал.

37. Дочь от первого брака Элейн Стейнбек (Скотт) — третьей жены Стейнбека.

38. Поп, Джеймс — американский писатель, в 1956 г. главный редактор издававшегося в Луисвилле (шт. Кентукки) журнала «Курьер джорнл».

39. Стейнбек имеет в виду снятый в 1955 г. в Голливуде по сценарию У. Фолкнера фильм «Земля фараонов».

40. Стейнбек обыгрывает значение фамилии своего друга Попа. «Поре» на английском языке означает «священник, поп»; «bishop» — епископ.

41. Клуб любителей книги в США, определяющий лучшую книгу месяца и распространяющий книги среди своих членов.

42. Деннис Мерфи — американский писатель, сын старого друга Стейнбека.

43. В поисках материала об английском писателе Томасе Мэлори (ок. 1417—1471), собравшем все легенды о короле Артуре, Стейнбек весной 1957 г. отправился в Италию. Стейнбек считал, что Мэлори какое-то время находился в Италии в качестве наемника.

44. Брукс Аткинсон — американский театральный критик, работавший в «Нью-Йорк таймс».

45. Американский прозаик и драматург Артур Миллер был вызван для дачи показаний в «Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей конгресса США. Стейнбек

- написал в его защиту письмо, опубликованное в журнале «Эсквайр».
46. Стивенсон, Эдлай — (1900—1965), американский политический деятель, дипломат, в 1952 и 1956 годах кандидат в президенты США от демократической партии.
47. Легендарный город в Англии, где находился двор короля Артура. Большую часть 1959 года Стейнбек провел в Англии, собирая материалы и набираясь впечатлений для переложения на язык современной прозы книги английского писателя Томаса Мэлори (ок. 1417—1471), собравшего все легенды артуровского цикла.
48. Вэлли Фордж — поселок в юго-восточной части штата Пенсильвания. Зимой 1777—1778 гг. во время войны за независимость в Северной Америке армия Дж. Вашингтона после ряда поражений стала лагерем в р-не этого поселка, готовясь к решающему сражению.
49. Уоррен, Гардинг (1865—1923) — 29-й президент США от республиканской партии (1921—1923). Деятельность правительства Гардинга в интересах монополий, дельцов и спекулянтов за счет народных масс привела к расцвету коррупции. На международной арене его отличал экспансионизм и жесткий курс по отношению к Советской России.
50. Волшебник, персонаж романов о короле Артуре и рыцарях «Круглого стола».
51. Стейнбек имеет в виду опубликованную в 1960 году серию очерков Э. Хемингуэя из Испании, объединенных общим названием «Опасное лето».
52. Капа, Роберт — фотокорреспондент «Геральд трибюн», друг Стейнбека.
53. У. Шекспир, «Гамлет», акт I, сцена II, перевод М. Лозинского.
54. Джон Стейнбек умер в пятницу 20 декабря 1968 года в своей нью-йоркской квартире. Настоящее письмо другу детства Джону Мерфи написано почти за 7 с небольшим лет до его смерти. Однако исходя из содержания письма составители выпущенного в США сборника справедливо поместили его в конце книги.
55. Согласно легенде, Святым Граалем называли чашу, в которую Иосиф Аримафейский якобы собрал кровь из ран распятого Христа.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

От составителя	3
Джон Стейнбек. ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА	5
Комментарии	57

**В СЕРИИ «БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» В 1985 ГОДУ
ВЫШЛИ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:**

1. ЗУЛЬФИЯ. «Тебя воспеваю, жизнь!» *Стихи. Перевод с узбекского.*
2. Л. РУДНИЦКИЙ. «Декада». *Повесть.*
3. Н. ДОРИЗО. «Жена поэта». *Полемиические раздумья.*
4. С. КЛЕБАНОВ. «Совершенно секретно». *Новеллы.*
5. Б. СОПЕЛЬНЯК. «Стрела на карте». *Очерки.*
6. Ф. АЛИЕВА. «Разговор с Отчиной». *Стихи и поэма. Перевод с аварского.*
7. С. ОСТРОВОЙ. «Настроения». *Стихи.*
8. С. ШУРТАКОВ. «Несмолкаемая песня». *Рассказы.*
9. Е. КРИГЕР. «Фронтовые блокноты».
10. И. РОЯ. «На пороге весны». *Стихи и поэма. Перевод с латышского.*
11. В. ТЕЛЬПУГОВ. «Дыхание костра». *Повести и рассказ.*
12. Ц. СОЛОДАРЬ. «Капитуляция».
13. «Заклинатель змей». *Рассказы индийских писателей.*
14. О. КРЕТОВА. «Хозяйка своей судьбы». *Повесть-быль.*
15. Б. ПРОТОПОПОВ. «На поверку не явились». *Рассказы.*
16. Н. ДМИТРИЕВ. «Тени прошлого». *Воспоминания старого московского писателя.*
- 17—18. ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС. «Недобрый час». *Роман. Перевод с испанского.*
19. М. ШОЛОХОВ. «Судьба человека».
20. Г. ЛУТКОВ. «Улица отца». *Стихи.*
21. Л. ЕРШОВ. «Три портрета».
22. А. МЕДНИКОВ. «Зееловские высоты».
23. АЙМАН АБУ ШААР. «Голос жизни». *Стихи. Перевод с арабского.*
24. Г. КУЛИКОВСКАЯ. «Признание? Да, всемирное!»
25. Н. АДАМЯН. «Утренние тени». *Рассказы.*
26. «Почти жизнь тому назад». *Рассказы о войне.*
27. А. КОВАЛЬ-ВОЛКОВ. «Возраст Победы». *Стихи.*
28. МАРК ТВЕН. «Ознакомьтесь с биографией претендента».
29. ПОЭТЫ СЕВЕРНОЙ АНГЛИИ. *Переводы с английского.*

30. В. САЛЬНИКОВ. «Нелегкая вода». *Записки пловца.*
31. М. САГАТЕЛЯН. «Путешествие в империализм».
32. Д. ЦЭДЭВ. «Каменные волны».
33. В. СМИРНОВ. «На взгляд репортера». *Репортажи и очерки.*
34. Ю. НАГИВИН. «Посланец таинственной страны».
35. А. ПРОКОФЬЕВ. «Россия». *Стихи и поэма.*
36. Г. ГУЛИА. «Эзоп в Дельфах».
37. А. БАЕВА. «Мужская работа». *Стихи.*
38. Н. КАЛИНИНА. «Если наклониться к земле». *Повесть.*
39. А. ГОЛИКОВ. «Подарок Деда Мороза». *Рассказы и очерки.*
40. В. СОКОЛОВ. «Любовь как любовь». *Стихи.*
41. Э. АСАДОВ. «Зарницы войны». *Страницы воспоминаний.*
42. В. ЕНИШЕРЛОВ. «В те баснословные года...» *Литературные очерки.*
43. Е. АНДРЕЕВА. «Зимний вечер». *Рассказы.*
44. Е. ИСАЕВ. «Убил охотник журавля». *Три поэмы.*
45. В. БЕЛЯЕВ. «Вишневая аллея». *Очерки.*
46. Н. КОНДАКОВА. «Птица перелетная». *Стихи.*
47. Ю. ЯКОВЛЕВ. «Временный жилец». *Рассказы.*
48. **Рассказы зарубежных писателей.**
49. А. ВАСИЛЬЕВ. «Рассказы о Фрунзе».
50. А. ОЛЬШАНСКИЙ. «Тепло Тау Кита». *Рассказы.*
51. В. МУРАТОВ. «Продолжение подвига». *Документальные повести.*
52. «Посмотрим правде в глаза...» *Письма Джона Стейнбека. Перевод с английского.*

Джон СТЕЙНБЕК

«ПОСМОТРИМ ПРАВДЕ В ГЛАЗА...»

Редактор Е. Ф. Олейник

Технический редактор Т. Я. Ковыниченкова

Сдано в набор 22.10.85. Подписано к печати 13.12.85. Формат 70×108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Учетно-изд. л. 3,60. Усл. кр.-отт. 2,98. Тираж 85 000 экз. Изд. № 2977.
Зак. № 1759. Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

АККРЕДИТИВ

● Аккредитив сберегательной кассы—удобный способ хранения денег в пути: при поездке в отпуск, командировку, при переезде из одной местности в другую

● Аккредитив является именным документом, по которому можно получить деньги в сберегательной кассе любого города или района.

● Сберегательные кассы выдают аккредитивы двух видов: на любую сумму до 3000 рублей включительно и на сумму в 300 рублей. Деньги по аккредитиву до 3000 рублей выплачиваются сберегательной кассой в полной сумме, на которую был выдан аккредитив. Если владелец такого аккредитива пожелает получить только часть денег, то на оставшуюся сумму ему выдается новый аккредитив. По аккредитиву в 300 рублей можно получить деньги в полной сумме или частями, по 100 рублей. Для получения денег по аккредитиву установлен четырехмесячный срок со дня выдачи аккредитива. После этого срока оплата аккредитива сберегательной кассой может быть произведена в течение трех лет только с разрешения управления Гострудсберкасс области, края или республики, название которого указано на бланке аккредитива.

● При получении денег по аккредитиву его владелец должен предъявить в сберегательную кассу паспорт или заменяющий его документ.

● Владелец аккредитива может доверить получение денег по аккредитиву другому лицу.

**Российское республиканское Главное
управление Гострудсберкасс СССР.**